

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Общій обзоръ главнѣйшихъ политическихъ событій прошедшаго года.

Политическому хроникеру нѣрѣдко случается жаловаться на недостатокъ въ западно-европейской жизни политическихъ и общественныхъ явленій, которые могли-бы имѣть живой интересъ для читателей. Въ такихъ случаяхъ хроникеръ обыкновенно старается отдѣлываться фразами въ родѣ слѣдующей: «на политическомъ горизонтѣ не видно ничего новаго». Хотя отъ слишкомъ частаго повторенія подобныхъ заявленій могутъ казаться читателямъ не болѣе какъ фразами; но мы убѣждены и попытаемся убѣдить читателя въ томъ, что эти фразы заключаютъ въ себѣ не мало знаменательнаго. Конечно, перечитывая иностранный и русскій газетный матеріалъ, нельзя сѣтовать, что въ газетахъ мало фактовъ, мало соображеній, догадокъ; напротивъ, скорѣе можно изумляться почти непонятной исправности газетъ: какъ ни бѣдна содержаніемъ бываетъ подчасъ европейская жизнь, — ежедневные газетные листы печатаются обыкновенно мельчайшимъ шрифтомъ и для объявленій, частныхъ и казенныхъ, отводится всегда определенное указанное мѣсто. Но не угодно-ли вамъ, любезнѣйшій читатель, вдуматься, какими фактами болѣею частью наполняются газеты и какого рода соображеніями газетчики всего чаще угощаютъ довѣрчивую публику? Вы согласитесь, что немалый процентъ газетнаго содержанія составляютъ путешествія владѣтельныхъ особъ, ихъ министровъ и другихъ приближенныхъ къ нимъ лицъ; къ этимъ путешествіямъ всякій разъ приурочиваются разнообразныя предположенія. Стоитъ только какому-нибудь вліятельному въ политическихъ дѣлахъ лицу подняться съ

своего мѣста, какъ начинается газетный вопль: куда? зачѣмъ? не заключается-ли въ этомъ задатковъ будущей войны или новыхъ политическихъ союзовъ? Газеты слѣдятъ шагъ за шагомъ за путешественникомъ, наблюдаютъ тщательно за его свиданіями съ другими вліятельными людьми, ловятъ каждое его слово, движеніе, улыбку, стараясь во всѣхъ подобныхъ мелочахъ найти подтвержденіе своихъ ожиданій или теорій? И идетъ эта вереница нескончаемыхъ соображеній, пока наконецъ газетные поставщики не убѣдятся, что путешествие было предпринято безъ всякихъ высокихъ цѣлей, просто изъ желанія подышать свѣжимъ воздухомъ, развлечься; а если къ этимъ весьма натуральнымъ побужденіямъ и примѣшивались какія-либо политическія цѣли, то безъ сомнѣнія онѣ не были главною причиною, заставившею вліятельное лицо двинуться въ путь; потому что послѣднее бываетъ, какъ и всегда бывало, только въ самыхъ крайнихъ, важныхъ и рѣшительныхъ случаяхъ. Другой пунктъ, на которомъ обыкновенно изощряется газетное перо и расточается проникательность европейскихъ публицистовъ, это—конференціи и дипломатическія ноты. Какъ несчастливъ бываетъ читатель во время собранія какой-либо конференціи, или когда ноты министровъ подобно ружейнымъ выстрѣламъ сыплются перекрестнымъ огнемъ. Одинъ дипломатъ напишетъ сильную ноту, другой не хочетъ уступить ему, пишетъ еще сильнѣе; газетчики подхватываютъ фразы и кричатъ: вотъ куда дуетъ вѣтеръ! война! нѣтъ, миръ! Если дѣло идетъ о конференціи, они спѣшатъ сообщать самоновѣйшія извѣстія, которыя впрочемъ на другой-же день оказываются неточными или, проще, ложными; предугадываютъ исходъ конференцій, значеніе ихъ для существеннаго вопроса политической жизни — войны или мира. Но вотъ кончается конференція, написана послѣдняя дипломатическая нота: вы отдаете себѣ отчетъ въ томъ, къ какимъ результатамъ привело васъ терпѣливое чтеніе газетъ, и послѣ такой повѣрки оказывается, что все это неистощимое обиліе газетныхъ разглагольствованій въ сущности весьма бѣдно смысломъ. А бѣдно потому, что ходъ политическихъ событій весьма рѣдко опредѣляется конференціями и дипломатическими нотами, что онѣ имѣютъ серьезное значеніе лишь тогда, когда онѣ служатъ освященіемъ какого-либо права, для защиты котораго или употреблена уже сила, или имѣется въ виду употребленіе этой силы. Мы предоставляемъ себѣ отложить до дальнѣйшаго изложенія нашего обозрѣнія подтвержденіе этой мысли въ событіяхъ 1864 года, съ которыми намъ приходится, къ сожалѣнію, такъ поздно разставаться; въ настоящую-же минуту мы имѣемъ только намѣреніе обратить вниманіе читателей на трудность отыскать среди газетнаго балласта политическія и общественныя явленія, имѣющія для чм—

тателѣй значеніе дѣйствительное, а не размерное, безъ прилѣси мнѣшуръ, которой такъ много въ европейской политикѣ.

Положеніе русскаго политическаго хроникера въ настоящемъ случаѣ болѣе критическое, нежели публициста во Франціи или Германіи; потому что въ западно-европейской жизни вопросы, да видимому ничтожныя съ русской точки зрѣнія, имѣютъ нѣкоторое значеніе. Возьмите въ бывшій «вопросъ шлезвигъ-гольштейнскій»: дѣло идетъ о небольшомъ клонкѣ земли, но съ такимъ или такимъ разрѣшеніемъ его связанъ вопросъ о политическомъ положеніи многихъ европейскихъ государствъ: Германскаго Союза, Пруссіи, Австріи и отчасти Франціи. Въ Западной Европѣ малѣйшее измѣненіе въ территоріальной системѣ влечетъ за собою заботу о поддержаніи политическаго равновѣсія: Франціи нужно быть постоянно насторожѣ, чтобы не усилилась слишкомъ Германія, Пруссія, Италія, Австрія, а если и очевидно, что каинимъ нѣбудъ жалкимъ клочкомъ земли ни одна изъ этихъ державъ фактически и не усилится, то по крайней мѣрѣ принципа въ измѣненіи равновѣсія допускать не надо, ибо принципъ и осуществившійся фактъ много значатъ въ глазахъ дипломатіи и всегда заразителны. Союзная Германія въ свою очередь можетъ опасаться Франціи, а также Пруссіи и Австріи, если не захочетъ пожертвовать своимъ федеральнымъ устройствомъ прусскому или австрійскому господству и т. д. Границы западно-европейскихъ государствъ далеко не соответствуютъ условіямъ и требованіямъ обитающихъ въ нихъ національностей, и это обстоятельство на долго будетъ источникомъ недовольствъ между этими государствами, взаимныхъ опасеній и кровопролитныхъ столкновеній. Предполагая, что вопросы международные будутъ рѣшаться по современнымъ намъ способамъ, — трудно даже предвидѣть конецъ европейской неурядицы; на границахъ двухъ смежныхъ государствъ народности всегда болѣе или менѣе сливаются, и оттого всегда возможно будетъ найти поводъ утверждать, что по требованіямъ политики національностей извѣстный клочокъ земли долженъ принадлежать тому, а не другому государству. Наше положеніе состоитъ иное: обладая огромнымъ пространствомъ земли, Россія не имѣетъ особенныхъ причинъ опасаться территоріальнаго усиленія какой-либо изъ западныхъ державъ. Матеріальныя силы наши въ настоящее время достаточны для отраженія нападеній извнѣ, и если развитіе нашихъ природныхъ средствъ не встрѣтитъ внутри государства задержекъ, то силы эти будутъ постепенно возрастать, увеличивая для насъ такимъ образомъ возможность обороны. Даже только съ этой, чисто-европейской точки зрѣнія, для нашего отечества не заключается серьезнаго разсчета въ томъ, какъ разрѣшается большая

*

часть политических вопросов въ западной Европѣ. Какъ ни покончатъ судьбу Шлезвигъ-Гольштейна, къ чему-бы ни повели франко-итальянская конвенція, скажемъ даже болѣе—каковъ-бы ни былъ будущій исходъ сѣверо-американской распри,—для насъ въ этомъ нѣтъ ни особенной выгоды, ни *прямой* невыгоды, по крайней мѣрѣ на долго. А будущее зависитъ отъ бездны комбинацій, которыхъ теперь можетъ быть и предвидѣть нельзя и которымъ сверхъ того, въ дальнѣйшемъ ходѣ, могутъ даже измѣнить важное въ неважное, а рассчитанное въ совершенно неожиданное, однимъ словомъ—въ настоящемъ случаѣ мы тутъ почти ни при чемъ. Мы можемъ сочувствовать итальянской народности, сѣвернымъ штатамъ Америки, можетъ даже употребить свое дипломатическое влияние въ пользу этихъ интересовъ,—но здѣсь вопросъ идетъ уже не о прямой нашей выгодѣ, а только о сочувствіи той или иной идѣ. Границы наша проведены правильнѣе, чѣмъ въ западной Европѣ. Мы не говоримъ о польской границѣ, потому что вопросъ о Польшѣ принадлежитъ внутренней, а не международной политикѣ; мы не говоримъ и объ азиатскихъ нашихъ границахъ, потому что тутъ собѣди наши находятся на такой низкой степени политическаго развитія, что много еще утѣчотъ воды прежде чѣмъ вопросъ объ этихъ границахъ можетъ сдѣлаться вопросомъ національности или политическаго равновѣсія. Опять повторимъ: о потребностяхъ внутренней политики мы не говоримъ. Тутъ дѣло другое. При такихъ обстоятельствахъ Россія не можетъ быть примыкъ политическихъ интересовъ вышиваться въ мелкія европейскія распри, и всякая попытка въ этомъ родѣ была-бы выраженіемъ только особеннаго нашего положенія. Наши силы могутъ устремляться единственно на развитіе нашей внутренней экономической жизни и на улучшеніе нашихъ общественныхъ и политическихъ учреждений. Поставленные исторіей въ такое положеніе, мы не можемъ интересоваться всякимъ политическимъ извѣстіемъ изъ Европы съ тѣмъ жаромъ и увлеченіемъ, какъ это весьма естественно для западно-европейскихъ публицистовъ. Мы покажемъ можемъ преспокойно читать политическія извѣстія о сѣнѣхъ европейскіхъ министровъ, о трактатахъ, конференціяхъ, дипломатическихъ потахъ, рѣчахъ Наполеона III и оппозиціонныхъ ораторовъ во Франціи и т. п., хладнокровно и безпристрастно обдумывая, на сколько во всемъ этомъ выражается успѣхъ или неуспѣхъ тѣхъ идей, которыя составляютъ наше политическое вѣрованіе. Если политическія извѣстія представляютъ съ этой стороны что-нибудь заслуживающее вниманія, мы заносимъ ихъ въ свою хронику; въ противномъ же случаѣ мы или указываемъ на ложное значеніе, приписываемое фактамъ, или проходимъ мимо ихъ, считая болѣе серьезнымъ дѣломъ

заниматься вопросами нашего внутреннего быта. Ограничивъ такими рамками свою задачу, мы можемъ говорить только въ очень краткихъ словахъ о тѣхъ предметахъ, вокругъ которыхъ вертѣлась колея политической жизни въ прошедшемъ году.

Начинаемъ наше обозрѣніе прошедшаго года съ шлезвигъ-гольштейнскаго дѣла. Вопросъ этотъ имѣлъ всѣ шансы получить жизненное значеніе для германской народности. Дѣйствительно, все лучшее въ нѣмецкомъ народѣ взволновалось противъ Даніи: нѣмцы были увѣрены, что они совершатъ подвигъ высокаго патріотизма, освободить германское населеніе герцогствъ отъ ненавистнаго ига, смоютъ пятно съ нѣмецкой чести, укрѣдять свое положеніе на сѣверѣ и положить основаніе германскому флоту. Сколько при этомъ было потрачено нѣмцами возгласовъ, патріотическихъ садовосхваленій, надеждъ! Словомъ — *любазные* для насъ нѣмцы смотрѣли на войну съ Даніей какъ на прекрасный случай показать всему міру, кто и они что-нибудь да значатъ въ политикѣ. Отбросивъ въ сторону тѣ преувѣдченныя и дотому смѣшныя упованія, которыя нѣмцы воздавали на шлезвигъ-гольштейнскую войну, мы думаемъ все-таки, что при болѣе, благоразумномъ введеніи она могла-бы имѣть нѣкоторое, немаловажное значеніе для Германіи вообще, т. е. въ смыслѣ общей Германіи. Уже давно нѣмцы хотѣтъ создать изъ своей страны общую Германію, — нѣчто единое; но до сихъ поръ дѣятельность ихъ въ этомъ отношеніи ограничивалась почти исключительно фразами, лекціями, стихами, пивомъ и мечтаніями, неприкосновеннымъ никакому цюа въслѣдствіе какой-то прирожденной нѣмцамъ инерціи и склонности къ мечтательности. Оставляя почти неприкосновенною даже въ убѣжденіяхъ и вѣрованіяхъ идею своего внутреннего порядка, они разумѣется ничего не въ силахъ достигнуть оными, такъ сказать, внѣшнимъ приемомъ. Въ шлезвигъ-гольштейнскомъ дѣлѣ они впервые захотѣли перейти изъ области фантазіи въ міръ дѣйствительный внѣшнимъ приемомъ, какъ мы замѣтили выше. Успѣшное окончаніе нѣмцами войны съ Даніей было-бы доказательствомъ способности ихъ дѣйствовать единодушно для достиженія своихъ желаній, способности, которой до сихъ поръ не доставало у нѣмцевъ и которая между тѣмъ такъ необходима для нихъ, если они хотятъ придать Германіи прочное значеніе въ политической системѣ Европы. Словомъ, эта война могла быть первымъ урокомъ самостоятельной политической дѣятельности нѣмцевъ и съ этой стороны она была-бы важнымъ шагомъ къ осуществленію заветной надежды Nationalverein'a. Нѣтъ причинъ сомнѣваться въ искренности чувствъ нѣмецкаго народа, въ силѣ его эмергіи. Но въ томъ-то отчасти и дѣло, что до сихъ поръ идея политическаго единства кажется вовсе не

составляет органической потребности всей массы германского народа (которому очевидно первѣ этой идеи нужно чего-то гораздо по важнѣе, чего можетъ быть онъ еще и сознать не умѣетъ среди китаизма и все большаго и большаго отверденія европейскихъ вѣрованій и предразсудковъ),—а помѣщается эта «обще-германская» идея только въ философскихъ, профессорскихъ и въ тѣхъ пропріетерскихъ головахъ, въ которыхъ побольше поэзіи. Теперь-же въ шлезвигъ-гольштейнскомъ дѣлѣ представлялось разрѣшеніе этого обще-германскаго вопроса только однимъ внѣшне-политическимъ, если можно такъ выразиться, способомъ и все-таки даже и такимъ способомъ «обще-германское дѣло» (если только оно не профессорская мечта) могло хоть что-нибудь выиграть. Нужно было только одному изъ германскихъ государствъ взять на себя роль руководителя нѣмецкаго движенія и повести дѣло честно и прямо во имя нѣмецкой національности. Представлялись громадныя выгоды для государства, на долю котораго выпадала-бы такая инициатива: оно расположило-бы къ себѣ всю націю и могло-бы приурочить къ своему центру дѣло національнаго единства. Бисмарку, если-бы только онъ былъ въ состояніи взяться за это, предстояла задача Кавура: воспользоваться народными силами для цѣлей государственныхъ. Но по закону дѣлъ человеческихъ великіе подвиги совершаются только такими людьми, которые способны видѣть дальше обыкновеннаго хода политическихъ обстоятельствъ. А впрочемъ, чтобы все сказать, и Бисмарки-то наиболѣе усилъваютъ только тамъ, гдѣ имъ дѣйствительно сочувствуютъ. А пруссакъ, это очевидно, въ массѣ сочувствовалъ Бисмарку, что впрочемъ можетъ быть и очень хорошо; а если сочувствовалъ, то ужъ разумѣется изъ чисто прусскаго патриотизма и стало быть въ ущербъ обще-германскому, и кажется до сихъ поръ чрезвычайно отвлеченному чувству. Слѣд. и Бисмарка въ этомъ ущербѣ чувства винить совсѣмъ нельзя, и мы говоримъ это очень серьезно. Но вотъ что можно о немъ сказать: ему конечно нельзя отказать въ ловкости и изворотливости среди политическихъ затрудненій—способностяхъ немаловажныхъ для государственнаго человека. Но ставъ выше политической рутинѣ — на это у него не хватить пороку. Онъ принадлежитъ къ многочисленному классу политиковъ, которые во внутреннихъ дѣлахъ способны на борьбу съ парламентскими партіями, а во внѣшнихъ съ успѣхомъ могутъ вести только мелкую игру въ политическое равновѣсіе. Все ихъ стараніе устремлено на поддержаніе своей власти и на вліянія какъ внутри государства, такъ и во внѣшнихъ сношеніяхъ. Съумѣть распустить непокорный парламентъ, посредствомъ ловкой интриги ослабить на время политическое значеніе сосѣдняго государства—это ихъ дѣло.

Если-же обстоятельства комбинируются такъ, что для извлеченія изъ нихъ всѣхъ полезныхъ результатовъ необходимо оставить въ сторонѣ вою преданія системы политическаго развитія и прежнихъ привычекъ и направить свои силы къ какой-нибудь отдаленной, снѣдой цѣли (напр. значительному территоріальному увеличенію государства, а можетъ быть и владычеству надъ всей Германіей, — которая разудѣется такимъ путемъ стала-бы поневолѣ единой—если не Германіей, такъ Пруссіей, что въ сущности для нея совершенно должно быть равно)—для этого у политиковъ, о которыхъ мы говоримъ, не достаетъ ни дальновидности, ни той увѣренности въ своихъ силахъ, которая составляетъ отличительную принадлежность людей высшаго разряда. Привыкнувъ къ мелкимъ, узко-эгоистическимъ разсчетамъ, они при такихъ обстоятельствахъ стремятся только къ ближайшей цѣли—временному преобладанію въ политической системѣ, или къ оторванію какого-нибудь клочка земли въ свою пользу. Если они дѣйствуютъ не одни, а въ союзѣ съ другими державами, — то ежеминутно опасаются усиленія своихъ союзниковъ, стараются всячески мѣшать имъ и усмотрѣвши вблизи какую-нибудь въ сущности ничтожную цѣль, оставляютъ начатое дѣло и союзниковъ и устремляютъ всѣ свои силы на эту цѣль. Конечно они достигаютъ временнаго и рутиннаго успѣха въ политической системѣ, и даже въ массѣ народа, такъ что становятся на время народными; но при малѣйшемъ измѣненіи политическихъ отношеній, имъ опять приходится затѣвать мелкую борьбу и продолжать привычныя имъ интриги. Намъ кажется, мы вѣрно охарактеризуемъ дѣятельность этого сорта государственныхъ людей, назвавъ ее политикою постоянного страха.

Нашимъ читателямъ извѣстно, какими образомъ происходила шлезвигъ-гольштейнская распря, какъ вслѣдъ за экзекуціонными войсками Саксоніи и Ганновера появились въ Даніи—Пруссія и Австрія: какъ они затмили собою второстепенныя германскія государства, отклонили навязчивыя услуги нѣмецкихъ волонтеровъ; какъ Пруссія постепенно выдвигалась на первый планъ и достигла наконецъ того, что вопросъ шлезвигъ-гольштейнскій сдѣлался изъ національно-германскаго прусско-австрійскимъ. Мы ничего не говоримъ о лондонской конференціи, которая конечно ничего не могла сдѣлать, потому что ни одна изъ участвовавшихъ въ ней державъ не находила разсчета посылать свои войска для защиты лондонскаго трактата 1852 года. Результатомъ войны съ Даніей былъ миръ 9/10 октября, заключенный между королемъ прусскимъ, императоромъ австрійскимъ и королемъ датскимъ на вѣнской конференціи, на которую не былъ допущенъ даже самъ г. фонъ-Бейсть, участвовавшій въ лондонскихъ за-

сданныхъ въ качествѣ уполномоченнаго отъ германской федерации. По первому трактату герцогства Шлезвигъ, Гольштейнъ и Лауэнбургъ были уступлены Данией въ пользу Пруссіи и Австріи, съ обязательствомъ признать всѣ распоряженія, какія угодно будетъ сдѣлать великимъ германскимъ державамъ относительно герцогствъ. Въ заключеніе Пруссія безцеремонно заставила союзныя войска удалиться изъ Гольштейнѣ. Устраненіе представителя германскаго сейма отъ участія въ конференціи, уступка Данией правъ на герцогства въ руки только Пруссіи и Австріи и наконецъ изгнаніе союзныхъ войскъ изъ Гольштейнѣ,—все это было разумѣется тягчайшею обидою для чести нѣмецкихъ обще-патріотовъ. Противъ Австріи и особенно Пруссіи поднялись вопли, жалобы, что они присвоили себѣ права, принадлежащія только сейму. Хотя съ точки зрѣнія союзной германской конституціи такое неудовольствіе нѣмцевъ и справедливо, но при всемъ томъ оно возбуждаетъ невольный смѣхъ. Какъ скоро второстепенныя германскія государства, вследствие своей нерѣшительности и слабости, дозволили Пруссіи и Австріи захватить въ свои руки веденіе войны и не сдѣлали ни одного твердаго шага, чтобы воспрепятствовать замысламъ великихъ державъ, пѣли которыхъ они не могли не предложить,—всякое обываніе ихъ на несправедливость очень странно. Пруссія и Австрія безъ нихъ дѣлали дѣло, безъ нихъ могли и кончить. Политическая жизнь въ настоящее время еще такъ низко развита, что трактаты и союзныя конституціи большею частью служатъ только маскою, которою прикрываются государства для оправданія своихъ притязаній; чаще-же всего въ между-государственныхъ отношеніяхъ случается такъ, что кому удалось одолѣть, тотъ и правъ. Вѣсная конференція, какъ и всякая вообще конференція, была только освященіемъ совершившагося факта. Нѣмцы оскорбились, что г. фонъ-Бейстъ не былъ на этой конференціи: мы думаемъ, что если-бы даже союзный уполномоченный былъ приглашенъ на конференцію, дѣло никакъ не получило-бы другого оборота. Положимъ герцогства были-бы уступлены не Австріи и Пруссіи, а всей Германіи; но въ рѣшеніи судьбы герцогствъ перевѣсъ безъ сомнѣнія былъ-бы на сторонѣ сильнѣйшихъ германскихъ государствъ, которыя и на этотъ разъ сумѣли-бы воспользоваться политическою неспособностью членовъ Германскаго Союза. И, кто знаетъ, если-бы представители сейма и были на конференціи, то можетъ-быть они-же сами совершенно добровольно предоставили-бы герцогства Пруссіи и Австріи; такъ что теперь даже можетъ быть и лучше что они не были. Германскимъ правительствамъ, если-бы только они могли безпристрастно вникнуть въ свое положеніе,—всего-бы лучше было примириться съ мыслью,

что герцогства въ настоящее время — неоспоримая и неотъемлемая принадлежность Пруссіи и Австріи и что судьбою ихъ эти державы вправе распорядиться какъ хотятъ.

Въ настоящую минуту шлезвигъ-гольштейнскій вопросъ стоитъ на точкѣ неизбѣжности о томъ, кому достанутся отошедшія отъ Дании герцогства. Здѣсь иѣмни опять становится на точку зрѣнія положительнаго права. Кандидатовъ на обладаніе герцогствами является множество. Подобное было когда покаяніи короля на греческій престолъ. Разница только та, что кандидаты на греческій тронъ не предъявляли никакихъ юридическихъ правъ на корону, — ихъ престо избирали. У иѣмцевъ же то: каждый кандидатъ на герцогства представляетъ документы о своихъ наследственныхъ правахъ. Пруссія въ этомъ отношеніи не отстаетъ отъ другихъ германскихъ государствъ: она имѣетъ очевидное желаніе захватить герцогства въ свою власть, и для приготовленія общественнаго мнѣнія Германіи къ этой развязкѣ берлинскія газеты давно уже толкуютъ о династическихъ правахъ Пруссіи на Шлезвигъ-Гольштейнъ. Нѣмецкіе патриоты конечно до послѣдней стѣпени возмущаются такою властью Пруссіи. Разбирать дѣйствительность правъ Пруссіи на герцогства, равно какъ и права другихъ претендентовъ, было-бы излишнимъ трудомъ; вещь весьма возможная, что прусская кандидатура, явившаяся позже другихъ, возьметъ верхъ или по остроумному выраженію газеты «La France» — «послѣдніе будутъ первыми», но такое рѣшеніе судьбы герцогствъ обуславливается конечно не династическими правами Пруссіи и никакъ не рѣшеніемъ союзнаго сейма, и единственно соглашеніемъ на то Австріи, участницы въ завоеваніи Шлезвигъ-Гольштейна.

Весьма непріятно поражаетъ недавнее торжественное заявленіе новаго министра иностранныхъ дѣлъ въ Баваріи, г. фонъ-Поортена, что «великія державы не должны имѣть претензіи показывать себя какими-то покровительницами второстепенныхъ государствъ, что Баварія докажетъ, что она съумѣетъ зашити независимость своей политики противъ всякихъ нападеній и что она не преминетъ избавить себя отъ несправедливыхъ притязаній, разорвавъ узы, связывающія ее съ Германскимъ Союзомъ». Можно быть увѣреннымъ, что политическій жаръ г. фонъ-Поортена со-временемъ охладѣетъ и Баварія не исполнитъ своего грознаго обѣщанія, и что такимъ образомъ Пруссія удастся устроить судьбу герцогствъ по своему желанію, если только Австрія найдетъ выгодныхъ для своихъ домашнихъ цѣлей поддерживать союзъ съ Пруссіей и на-время потакать ея замысламъ. Но какъ-бы ни кончилась судьба герцогствъ, интересно вывести результатъ изъ всей шлезвигъ-гольштейнской траги-комедіи. Сущность ея очень

неожиданно: перейдутъ герцогства къ Пруссіи, — эта держава будетъ до тѣхъ поръ пользоваться перевѣсомъ въ Германскомъ Союзѣ, пока будетъ продолжаться внутренняя слабость Австрійской имперіи; перейдутъ герцогства къ принцу Фридриху августенбургскому, — будетъ однимъ германскимъ государствомъ больше. Для Пруссіи или вѣрнѣе для г. Бисмарка въ первомъ случаѣ будетъ выигрышъ — именно: временный перевѣсъ въ политической системѣ, потому что на этомъ, какъ мы сказали, построена вся политическая мудрость такихъ государственныхъ людей, какъ г. Бисмаркъ. А для Германіи ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не можетъ быть никакой выгоды: ни вѣншее значеніе, ни внутреннее устройство союза не измѣнятся къ лучшему. Такимъ образомъ и патриотическія чувства нѣмцевъ и провъ германская — все погнбло даромъ, безъ всякой пользы для обще-нѣмецкаго дѣла. Видна во всемъ наружно падаетъ конечно на правительства второстепенныхъ германскихъ государствъ, которые затѣявши войну съ Даніею, должны были-бы вести ее народными силами, не допуская вмешательства Пруссіи и Австріи, чтобы способствовать чрезъ это возвышенію политическаго духа въ Германіи и общему объединенію нѣмцевъ. Но способны-ли они были сдѣлать это? — вотъ вопросъ. Мало того, понимали-ли они въ этомъ *практическомъ* случаѣ, что значать собственно народныя силы для успѣха такого дѣла и *действительно*-ли имѣли они эту силу въ своемъ обладаніи? А наконецъ и третье: была-ли въ сущности эта сила въ Германіи действительно, или только казалось, что она была? Если-же они не считали себя способными выполнить такую роль, то вѣсто этого имъ гораздо лучше было-бы, первѣе всего, осмотрѣться у себя дома; потому-что, не говоря уже объ общемъ союзномъ устройствѣ, внутренні дѣла во многихъ германскихъ государствахъ идутъ крайне плохо. Въ этомъ случаѣ нѣмцы показали замѣчательную безтактность: увлекшись воображаемою славой побѣды надъ Даніею, они совершенно забыли о тѣхъ внутреннихъ политическихъ и социальныхъ своихъ неустройствахъ, которые въ сущности служатъ главнѣйшимъ препятствіемъ къ осуществленію идеи національнаго единства. Такъ напр. пруссаки, которые такъ долго боролись противу г. Бисмарка, — изъ-за его въ сущности ничтожныхъ успѣховъ (а по настоящему огромныхъ промаховъ) въ шлезвигъ-гольштейнскомъ дѣлѣ, — великодушно простили ему всѣ его политическіе грѣхи, забыли, что у нихъ распушенъ парламентъ и что страна управляется безъ бюджета. Такимъ образомъ только теперь становится очевиднымъ, что имъ гораздо лучше-бы шло не сердиться и прежде. До какой степени важно было-бы для нѣкоторыхъ германскихъ правительствъ заняться своими внутренними дѣлами, — прекрас-

ною характеристикю этого можетъ служить адресъ, поданный курьеру гессен-кассельскому палатою депутатовъ и изображающій живыми, но крайне печальными красками положеніе страны. Мы считаемъ долгомъ внести въ наше обозрѣніе нѣкоторыя мѣста изъ этого памятника, въ высшей степени замѣчательнаго въ исторіи гессенской конституціи.

«Если внимательно посмотрѣть на всѣ учебныя заведенія, составляющія первый элементъ государственной и общественной жизни, то вездѣ обнаружатся самые печальные результаты. Въ особенности нашъ университетъ, которымъ страна наша издревле гордилась и для котораго сеймъ охотно назначилъ всѣ нужныя деньги, за нѣсколько десятковъ лѣтъ представляетъ самую отсталую, печальную картину, краски которой еще болѣе выставляются въ сравненіи съ университетомъ Гессена. Главная причина этого упадка усматривается въ томъ, что за немногими исключеніями всѣ министры внутренняго дѣла в. к. высочества, вмѣсто того чтобъ доставлять университету отличныхъ и испытанныхъ ученыхъ, руководились при опредѣленіи профессоромъ спеціально-политическими и религіозными причинами, а не умомъ и репутациею.

«Высшая ремесленная школа въ Касселѣ не оправдала тоже ожиданій, которыя возлагали на нее при основаніи, тогда какъ въ другихъ странахъ Германіи эти заведенія имѣли полный успѣхъ.... Народнымъ училищамъ до сихъ поръ не достаетъ той законной организаціи, о которой еще за 30 лѣтъ назадъ представляли правительству в. к. высочества какъ о совершенной необходимости. Вмѣсто этого были введены узаконенія, которыя препятствовали народному образованію и которыя только недавно, въ послѣднее время, и то самымъ недостаточнымъ образомъ, получили улучшенія. Однакожъ не въ этомъ именно состоитъ наше печальное положеніе дѣлъ...

«Благосостояніе Гессена не вполнѣ-бы еще исчезло, если-бы сельскіе жители были во-время освобождены отъ древнихъ феодальныхъ узаконеній, тяготѣвшихъ надъ ними. Всего нужнѣе былъ для нихъ законъ общій, который неоднократно былъ представляемъ правительству в. к. высочества, но до сихъ поръ необсужденъ и неутвержденъ. Сверхъ того, въ Гессенѣ нѣтъ еще до сихъ поръ училища земледѣлія, и всѣ представленія объ учрежденіи его всякій разъ встрѣчаютъ непреодолимые затрудненія. Положеніе ремесла въ Гессенѣ возбуждаетъ также сильныя опасенія; декреты правила 5 марта 1816 года, которыя еще за 25 лѣтъ назадъ признаны были правительствомъ в. к. высочества недостаточными, составляютъ до сихъ поръ единственное руководство по этой части, тогда какъ во всей Германіи введена уже

полная свобода ремеселъ. Законы о торговлѣ, введенные также во всей Германіи, не существуютъ еще у насъ. Мы все еще руководствуемся правилами 21 ноября 1788 г. Въ недостаткѣ всѣхъ упомянутыхъ узаконеній усматриваемъ мы, что Гессенъ, столь благопріятно надѣленный отъ природы всѣми естественными произведеніями, самымъ печальнымъ образомъ отсталъ отъ всѣхъ союзныхъ государствъ.

«В. к. в.—ство! Мы обязаны выставить тотъ фактъ, что въ продолженіе 30 лѣтъ, кромѣ компаніи сѣверной желѣзной дороги и Франкфуртско-ганауской, кромѣ нѣкоторыхъ газовыхъ заведеній и кромѣ общества Наугеймского Кургауа, не было во всемъ Гессенѣ ни одного промышленнаго предпріятія, основаннаго на акціяхъ: форма этой дѣятельности вовсе еще не введена у насъ. Правительство в. к. высочества при всѣхъ подобныхъ проэктахъ обнаруживало столько недоброхотства, что всякій духъ предпримчивости исчезъ между нами. Одинъ изъ нихъ, признанный всѣми полезнымъ для страны, пролежалъ 16 мѣсяцевъ въ вашемъ министерствѣ, которое, наконецъ объявило, что не получило на это предпріятіе соизволенія в. в. высочества. Дѣйствіе ваша служба только отговоркою, которую часто употребляютъ для устранения неурядицъ проэктовъ. Мы говоримъ о допущеніи сѣти желѣзныхъ дорогъ и о вовсе немыслимой у насъ сѣти телеграфическихъ линий. Все это производитъ явный ущербъ нашей промышленности и сословіе рабочихъ не находятъ себѣ нигдѣ труда. Отъ этого уверяется вредная и безправственная привычка, что сильное и трудолюбивое наше юношество идетъ на заработку въ чужіе края и развѣ что зимою, на короткое время возвращается домой....

«Тяжко было намъ рѣшиться на представленіе картѣи нашего дорогаго намъ отечества; но мы ее чрезвычайно смягчили и далеко не высказали многія справедливыя жалобы».

Заговоривши о внутреннихъ дѣлахъ въ германскихъ государствахъ, мы естественно переходимъ къ Австріи. Для насъ навсегда должна быть памятна та двусмысленная роль, которую играла Австрія въ началѣ польскаго возстанія, явившись въ ряду знаменитой западно-европейской тріады. Трудно понять, чего она хотѣла достигнуть въ этомъ случаѣ: задобрить поляковъ наружнымъ расположеніемъ къ нимъ она никакъ не должна была рассчитывать; потому что при тѣхъ широкихъ замыслахъ, которые предъявила польская революціонная партія, — возстаніе рано или поздно неминуемо должно было вспыхнуть и въ Австріи. Дѣйствительно, Галиція скоро сдѣлалась театромъ сильной революціонной пропаганды; во многихъ мѣстахъ стали свопдаться банды поляковъ, переходившихъ въ Австрію черезъ прусскую и русскую границы; правительство находило склады оружія; появлялись даже от-

дѣльными всыпками мятежа, и по всему было замѣтно, что поляки хотѣтъ обратитъ свои силы противъ мнимаго ихъ защитника. Правительство австрійское изъ чувства самосохраненія естественно должно было положить конецъ революціонному возмезію. Сначала оно ограничивалось только арестами, но впоследствии опасаясь повсемѣстнаго возстанія въ Галиціи, вынуждено было совершенно оставить тотъ ложный путь, котораго она держалась въ отношеніи къ полякамъ въ 1863 году и который ни мало не согласуется съ общими государственными строемъ Австріи. Въ 1864 году Австрія рѣшилась объявить Галицію въ осадномъ положеніи. Такое измѣненіе во внутренней политикѣ отразилось и на вѣнскихъ отношеніяхъ Австріи. Поставленная въ нольскомъ вопросѣ въ одинаковое положеніе съ вѣсгдамшею своею соперницей—Пруссіей, Австрія порвала связь съ второстепенными германскими государствами, которая составляла ея силу въ Германскомъ Союзѣ, и сблизилась съ Пруссіей, вступивъ въ союзъ съ послѣднею въ Датской войнѣ. Къ несчастію Австріи, выгоды войны должны были достаться на долю одной только Пруссіи, такъ что Австріи по-новолѣ теперь приходится каяться въ томъ, что она избрала себѣ такого не-услужливаго союзника. Это обстоятельство нѣмецкія газеты считаютъ главною причиною отставки перваго австрійскаго министра г. Рексберга, по мысли котораго Австрія сблизилась съ Пруссіей, и замѣны его графомъ Менедорфомъ—Пулы и г. Ннзерлингомъ. Такое толкованіе едва-ли справедливо; по крайней мѣрѣ въ настоящаго времени не замѣтно еще признаковъ ослабленія дружбы между Австріей и Пруссіей; притомъ-же въ виду франко-итальянской конвенціи 15 сентября Австріи не имѣетъ пока прямого расчета разрывать этотъ, хотя-бы и невыгодный для нея въ другихъ отношеніяхъ союзъ. Скорѣе можно думать, что смѣна консервативнаго г. Рексберга вызвана была желаніемъ австрійскаго императора произвести нѣкоторыя реформы внутри государства; по крайней мѣрѣ на этотъ пунктъ обращено было особенное вниманіе въ тронной рѣчи, сказанной Францомъ-Иосифомъ II при открытіи въ Австріи полнаго рейхсрата. На сколько способно ннѣшнее австрійское министерство удовлетворитъ справедливыя требованія подчиненныхъ Австріи народностей, можно судить по тому, что заправитель внутренней политики въ Австріи принадлежать къ числу либераловъ въ строго австрійскомъ смыслѣ: конституціонализмъ далеко не искренній, онъ поставилъ своею задачею отмѣченіе славянъ и венгровъ. Между тѣмъ въ настоящее время для Австріи важнѣе чѣмъ когда-нибудь уладить несогласія съ восточными и чехами, которые до сихъ поръ не участвуютъ въ конституціонной жизни государства, требуя въ свою пользу уступокъ, оправдываемыхъ ихъ по-

терій, и гарантій, которыя-бы ограждали ихъ отъ вліянія нѣмецкой народности. При настоящемъ положеніи венедіанскаго вопроса, который не сегодня-завтра можетъ разразиться революціей, правительству австрійскому необходимо успокоить венгерцевъ и сдѣлать дѣйствительно либеральными сдѣлками, чтобы они, въ случаѣ возстанія національцевъ, не присоединились къ нимъ. Съ этихъ вопросовъ связано состояніе австрійскихъ финансовъ: «держа не-нѣмецкія народности въ снисходительномъ положеніи», Австрія конечно должна тратить самыя средства свои на содержаніе войска, чтобы въ минуту опасности имѣть возможность подавить неудовольствіе этихъ племенъ. Невыносимо дурное распоряженіе: государственными средствами возбуждастъ противъ австрійскихъ министровъ неудовольствіе даже и нѣмецкихъ подданныхъ Австріи, которые кромѣ того имѣютъ не мало и другихъ причинъ ненавидѣть ихъ. Къ числу такихъ причинъ слѣдуетъ причислить постоянное ихъ уклоненіе отъ присоединенія къ тамошнему союзу и неоднократныя нарушенія конституціи. Все указанныя нами слабыя стороны австрійской политики были предметомъ самыхъ жаркихъ прерій въ рейхсратѣ при обсужденіи отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь императора. Не находя мѣста для подробнаго изложенія этихъ прерій, мы остановились только на рѣчи г. Кайзерфельда, австрійскаго депутата, которая по нашему мнѣнію служитъ выраженіемъ взгляда австрійско-нѣмецкихъ либераловъ на положеніе своей страны. Основная мысль рѣчи та, что Австрія должна быть страной конституціонною, иначе она утратитъ всякое право на существованіе. По мнѣнію г. Кайзерфельда полная безуспѣшность конституціонной дѣятельности въ Австріи зависитъ частью отъ недостатковъ самой конституціи, частью отъ того, что правительство, приводя конституцію въ исполненіе, избрало совершенно ложный путь. Съ особенною силою онъ указываетъ на отсутствіе въ конституціи основныхъ правъ, которыя были-бы утверждены на прочномъ основаніи, потому что въ этихъ правахъ заключается солидарность интересовъ и та прочная связь, которая могла-бы служить точкою соединенія для всѣхъ народовъ, живущихъ по обѣ стороны р. Лейты. Медленность правительства въ разрѣшеніи венгерскаго вопроса составляетъ, по словамъ оратора, великое бѣдствіе для Австріи, потому что вслѣдствіе этого обстоятельства являются постоянно новыя препятствія которые выражаются въ формѣ «исключительнаго положенія», и всѣ стремленія рейхсрата — внести въ законодательную дѣятельность разумно либеральный духъ — не приносятъ никакого плода. Съ тѣхъ поръ, какъ государственный министръ (г. Шмерлингъ) убѣдился, что осуществленіе конституціи встрѣчаетъ столь значительныя препятствія въ странахъ

заключеніи на ту сторону р. Лейты, ему не удалось уклонить из виду тех опасностей, которыя грозятъ какъ конституціи, такъ и существованію самой монархіи. Не менѣе мнѣнію, говоритъ г. Кайзерфельдтъ, необходимо было-бы водворить конституцію хотя-бы въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ; отъ неприматности г. Шмерлинга не должно было-бы укрыться то обстоятельство, что каждый успѣхъ, который выпадаетъ на долю конституціонализма здѣсь, уничтожается сопротивленіемъ тѣмъ. Я не могу постичь, въ чему можетъ вести эта боязнь прѣвруса, эти вѣчныя и никогда не исполняющіяся обѣщанія. Ораторъ заключилъ свою рѣчь словами: «Если уставна графа Рейберга должна имѣть особенно важное значеніе, я думаю, что пора уже указать это. Я не утратилъ вѣри въ этого человека (г. Шмерлинга), но увѣренность въ справедливости употребляемыхъ имъ средствъ и въ его либерализмъ глубоко потрясена. Дай Богъ, чтобы факты доказали, что г. Шмерлингъ можетъ снова оправдаться». Г. Шмерлингъ въ свою очередь не замедлилъ представить доказательство, что разсужденіе г. Кайзерфельдта въ его либерализмъ вполне справедливо. Когда въ рейхсратѣ зашла рѣчь объ отвѣтственности министровъ, г. Шмерлингъ выразилъ, что ему не разделяетъ мнѣнія, будто конституція не можетъ усильно действовать при отсутствіи закона объ отвѣтственности министровъ. Но этому министерство не сочло примѣнны представлять въ нынѣшнюю сессію рейхсрата проектъ этого закона. По словамъ г. Шмерлинга, благопріятное для такого предложенія время можетъ наступить лишь тогда, когда конституціонный порядокъ водворится во всѣхъ областяхъ имперіи. Такимъ образомъ гг. Кайзерфельдтъ и Шмерлингъ рѣшительно расходятся во взглядахъ, хотя и тотъ и другой—либералы. Одинъ говоритъ: «дѣйствуйте либерально, и тогда съ вами помирятся венгерцы и славяне». Другой отвѣчаетъ: «пусть они сначала помирятся съ вами, и тогда ужъ мы будемъ поступать либерально». Еще рѣче обнаружился характеръ нынѣшняго австрійскаго министерства въ преніяхъ относительно осаднаго положенія въ Галиціи. Оппозиція одѣлала нападку на министерство съ той стороны, что въ конституціи нѣтъ закона, предоставляющаго исполнительн. власти объявлять страну въ осадномъ положеніи, и потому мѣра эта могла быть установлена не административнымъ, а законодательнымъ путемъ, т.-е. съ согласія рейхсрата. Представители правительства развивали напротѣвъ ту мысль, что право объявлять осадное положеніе составляетъ принадлежность исполнительной власти, втекающая изъ лежащей на ней обязанности наблюдать за сохраненіемъ общественнаго и государственнаго спокойствія. Офиціозныя газеты продолжили развитіе этой мысли еще далѣе; тѣмъ въ одной изъ нихъ

говорится, что если-бы даже во время объявленія осажденнаго положенія было собраніе рейхсрата, то и въ такомъ случаѣ правительству не было-бы никакой надобности испрашивать разрѣшенія палаты на эту мѣру.

Намъ кажется, мы довольно ясно обозначили характеръ новаго австрійскаго министерства и лѣвой стороны палаты депутатовъ, такъ-что можете сказать теперь нѣсколько словъ для выраженія нашего мнѣнія о положеніи австрійскихъ дѣлъ. Было-бы крайнимъ обобщеніемъ для Австріи полагать какія нибудь надежды на г. Шмерлинга; система отмѣченія всегда будетъ встрѣчать себѣ отпоръ въ подвластныхъ Австріи племенахъ, и неминуемо поведетъ къ разрыву ихъ съ имперіей. Точно также и въ рекомендуемомъ г. Кайзерфельдомъ «конституціонализмъ» мы не видимъ возможности для Австріи избѣгнуть внутренняго распада. Различныя одна отъ другой по языку и по народности части Австрійской Имперіи не могутъ быть объединены въ конституціонализмъ, потому что послѣдній для успѣшнаго своего развитія необходимо предполагаетъ единство народностей. Историческія воспоминанія венгерцевъ, славянъ и итальянцевъ такъ сильны, что они не въ состояніи отнестись въ пользу конституціонной идеи отъ своихъ исторически-самобытныхъ правъ, отъ самостоятельной государственной жизни. Между различными племенами Австрійской Имперіи не можетъ быть никакой крѣпкой внутренней связи интересовъ нравственныхъ и политическихъ; при отсутствіи же ихъ—конституціонная жизнь невозможна. По нашему мнѣнію, такое разнохарактерное по составу государство какъ Австрія можетъ сохранить свою цѣлость только при двухъ образахъ правленія: или при полной абсолютной власти, которая-бы одерживала постоянно всякое проявленіе племенной особенности (на что у Австріи давно уже не хватаетъ силъ), или при федеративной формѣ, подъ которою могутъ уживаться племена самыя различныя по наружности, языку, религіи и правамъ. Объединенные только экономическими выгодами, интересомъ общей безопасности, члены федераціи сохраняютъ при этомъ полную народную автономію, жертвуя въ пользу центральнаго правительства извѣстною частью своихъ матеріальныхъ средствъ для поддержанія государственной цѣлости и внешней защиты. Въ Австріи идея федераціи имѣетъ нѣкоторыхъ защитниковъ, къ числу которыхъ принадлежитъ между прочимъ газета «Народъ», органъ Гг. Палацкаго и Ригера. Но къ несчастію Австріи и федеративная идея для нея непримѣнима. Мы думаемъ, что федерація только на весьма непродолжительное время могла-бы служить связью между подчиненными Австріи народностями. Не говоря уже о томъ, что было-бы безуміемъ предполагать въ австрійскомъ правительствѣ малѣйшую готовность пожертвовать насто-

ишимъ порядкомъ и создать имперію не исключительно-нѣмецкую, а федеративную, — самая форма эта можетъ соединить только такіа племена, которые сами по себѣ такъ слабы, что не могутъ существовать какъ отдѣльные государственныя тѣла, — такіа племена, которые, какъ говорится, некуда дѣваться. Между тѣмъ этого-то именно условія мы не находимъ въ составныхъ частяхъ Австрійской Имперіи. Венгрія наприм. и въ настоящее время имѣетъ всѣ данныя къ образованію изъ себя самостоятельнаго политическаго организма, — данныя, заключающіяся въ пространствѣ венгерской территоріи, количествѣ населенія, языка и въ сильномъ развитіи политическаго духа. Мало того: Венгрія даже никогда и не теряла сознанія своей самостоятельности. Славянскія части австрійской монархіи могли-бы только до тѣхъ поръ оставаться членами идеальной австрійской федераціи, пока на западѣ отъ Россіи не образовалось-бы какое-либо достаточно сильное славянское государство, которое-бы служило для нихъ, такъ сказать, центромъ притяженія. Въ настоящее время такой притягательный центръ, по видимому, начинаетъ сосредоточиваться въ Дунайскихъ Княжествахъ, которые вслѣдствію реформы князя Кузы въ значительной степени усилились, хотя можетъ быть только на время, въ политическомъ отношеніи. Мы общаемъ въ одномъ изъ ближайшихъ нашихъ обзорѣнъ сказать подробности о значеніи этихъ реформъ. Съ другой стороны, подобное-же усиленіе замѣтно и въ Сербіи. Трудно конечно представить, Сербіи или Дунайскія Княжества притянуть къ себѣ западныхъ славянъ; потому что въ будущемъ могутъ образоваться новыя политическія комбинаціи, можетъ наприм. появиться на политическомъ горизонтѣ новое славянское государство. Мы хотимъ только въ настоящую минуту выразить нашу увѣренность, что теперь все болѣе и болѣе приближается время внутренняго распаденія австрійской имперіи, и съ этой стороны усиленіе Дунайскихъ Княжествъ и Сербіи должно составлять предметъ особенной заботливости австрійскаго правительства. О Венеціи нечего и говорить: для неѣ Италия служить естественнымъ центромъ тяготѣнія, къ которому она рано или поздно должна примкнуть. Франко-итальянская конвенція 15-го сентября, обещающая по истеченіи 2-хъ лѣтъ предоставить итальянцевъ на произволъ ихъ собственной судьбы, должна постоянно напоминать Австріи о близкой для неѣ возможности разстаться съ Венеціей.

Коснувшись конвенціи 15-го сентября, мы постараемся насколько можно точнѣе выразить наше мнѣніе о значеніи еѣ для обще-итальянскаго дѣла. До настоящаго времени надежды и желанія Италіи — присоединить Римъ и Венецію — задерживались исключительно Фрииндией, которая, держа свои войска въ Римѣ, препятствовала осуществленію

стремлений итальянцевъ. Если-же Франція, на основаніи конвенціи, выведетъ изъ Рима свои войска, то императоръ австрійскій и папа будутъ предоставлены самимъ себѣ; съ этихъ поръ имъ нельзя уже будетъ навѣрное разсчитывать на помощь Франціи. Франція тогда развяжетъ себѣ руки: Франція можетъ помочь Австріи и папѣ, но можетъ остаться и равнодушною къ ихъ интересамъ. Смотра на конвенцію съ этой точки зрѣнія, мы думаемъ, что она наноситъ сильный ударъ папской власти и австрійской имперіи. Ежеминутно передъ ними будетъ стоять грозный вопросъ: что будетъ, если Франція не поможетъ имъ, а станетъ на сторону Италіи? Мы не говоримъ, что на основаніи конвенціи 15-го сентября можно заключать, будто Франція намерена содѣйствовать итальянскому дѣлу. Напротивъ, вслѣдствіе заключенія конвенціи положеніе Италіи, по нашему убѣжденію, ни улучшилось, ни ухудшилось; мы хотимъ только выразить, что для Австріи и папскаго Рима конвенція имѣетъ значеніе возможности того, что Франція сложитъ съ себя защиту ихъ интересовъ. Приписывать конвенціи какой-либо положительный смыслъ и значеніе было-бы несогласно съ нашими взглядами, такъ какъ мы не разъ уже говорили, что не раздѣляемъ обольщенія нѣкоторыхъ публицистовъ трактатами, конвенціями и тому подобными произведеніями дипломатическаго ремесла. Такъ наприм. мнѣніе г. Форхада, пишущаго политическія хроники въ «Revue des deux mondes», будто заключеніе конвенціи 15-го сентября обезпечиваетъ для Италіи помощь Франціи и значить для нея столько-же, какъ еслибы Франція подарила ей 100,000 войска и 100,000,000 франковъ, кажется намъ не болѣе какъ сантиментальностью въ политическихъ воззрѣніяхъ. Въ этомъ-же смыслѣ говорятъ о конвенціи почти всѣ французскіе публицисты. Нѣмецкія газеты въ настоящемъ случаѣ болѣе проникательны; онѣ не раздѣляютъ такого очарованія конвенціей, весьма понятнаго во французахъ и дѣлающаго честь ихъ патріотизму: почти единодушно онѣ признаютъ за конвенціей эластичность; одна изъ нихъ, кажется «Ostdeutsch Post», употребила для охарактеризованія конвенціи весьма мѣткое по нашему мнѣнію выраженіе, назвавъ ее *хамелеоновою*. Дѣйствительно, конвенція 15-го сентября перешеголала въ этомъ отношеніи весьма многіе трактаты. Императоръ Наполеонъ III воленъ вести себя по отношенію къ Италіи какъ ему угодно, опираясь всякій разъ на конвенцію какъ на актъ, доказывающій правомѣрность его дѣйствій. Можно представить нѣсколько соображеній для подтвержденія нашей мысли. Итальянская партія дѣйствія, положимъ, начинается приготовленія къ походу на Римъ, собираются для этого митинги, дѣлаются подписки, вербуются волонтеры и т. п. Если итальянское правительство не противодѣйствуетъ этимъ попыткамъ, Наполеонъ III можетъ разсматривать вся-

кое подобное движеніе какъ нарушеніе конвенціи; потому что на основаніи ея итальянское правительство обязано не допускать нападенія итальянцевъ извнѣ на Римъ. Такимъ образомъ въ руки императора французскаго переходитъ полный надзоръ за общественною жизнью въ Италиі; всякое благопріятное дѣйствіе итальянцевъ по отношенію къ папскимъ владѣніямъ можетъ служить для него достаточнымъ поводомъ послать итальянскому правительству внушительную ноту съ совѣтомъ — положить конецъ народному движенію; въ случаѣ же непослушанія Наполеонъ III въ правѣ нарушить конвенцію, оставить войска въ Римѣ на неопредѣленное время, или даже двинуть свои военныя силы противъ Италиі — благо столица итальянская (Флоренція) далеко отъ Франціи. Наше предположеніе вовсе не выходитъ изъ границъ возможнаго: дѣйствія итальянскаго правительства послѣ заключенія конвенціи служатъ подтвержденіемъ нашей мысли, что оно теперь по видимому еще болѣе чѣмъ до конвенціи находится подъ сильною опекою Франціи. Такъ наприм. итальянскій министръ внутреннихъ дѣлъ г. Ланца, по поводу неблагопріятныхъ конвенціи митинговъ, по поводу возстаній въ Фруль и другихъ революціонныхъ всплескѣхъ, разослалъ префектамъ циркуляръ, смыслъ котораго, равно какъ и всѣхъ рѣчей, сказанныхъ въ парламентѣ г. Ланца, тотъ, что на правительствѣ итальянскомъ лежитъ обязанность устранить всякій поводъ къ опасеніямъ папы и императора французскаго, будто цѣль итальянцевъ — присоединеніе Рима и Венеціи, — можетъ быть достигнута. Этой программы правительство строго держалось въ отношеніи къ означеннымъ митингамъ и народнымъ движеніямъ. Оно изъ всѣхъ силъ старалось мѣшать всякому проявленію народной воли, не разъ прибѣгало даже къ услугамъ войскъ. — Возьмемъ теперь случай другого рода: именно если волненіе возникаетъ въ предѣлахъ папскихъ областей, если населеніе ихъ выразитъ твердую рѣшимость отдѣлиться отъ папы и пристать къ Италиі. Можетъ-ли Викторъ-Эммануилъ при такихъ обстоятельствахъ воспользоваться папскими владѣніями? По толкованію конвенціи, слѣдующему г. Ламармора съ одной стороны и г. Друзномъ-де-Лионсомъ съ другой, въ случаѣ революціоннаго движенія въ Римѣ правительства, какъ итальянскаго такъ и французскаго, предоставляютъ себѣ *полную свободу дѣйствій* — выраженіе слишкомъ понятное. Но по нашему мнѣнію на сторонѣ императора французскаго будетъ при такой комбинаціи болѣе законныхъ основаній дѣйствовать согласно своимъ видамъ. Не говоря уже о томъ, что присвоеніе Италией Рима могло-бы быть истолковано какъ нападеніе на Римъ, слѣдовательно нарушеніе конвенціи, — Наполеонъ III имѣлъ-бы право требовать отъ итальянцевъ возвращенія Рима папѣ еще на томъ основаніи, что перенесъ свою столицу во

*

Флоренцію, они тѣмъ самымъ отказались отъ Рима. Мы не будемъ говорить о другихъ комбинаціяхъ, которыя могутъ вытекать изъ конвенціи 15-го сентября; ибо надѣемся, что для читателей нашихъ она и вполнѣ убѣдительно наша мысль, что при всякой возможной постановкѣ итальянскаго вопроса всегда найдется въ конвенціи поводъ для Наполеона III держать Римскій вопросъ въ своей власти. Если не ошибаемся, изъ всѣхъ итальянцевъ только Мадзини и Гарibaldi смотрѣли на конвенцію съ этой стороны. Читателямъ конечно извѣстно изъ газетъ, что писали тотъ и другой по поводу конвенціи 15-го сентября. Мы считаемъ нужнымъ сдѣлать небольшую выдержку изъ письма Мадзини. По словамъ его, конвенція признаетъ права временнаго властителя надъ Римомъ и итальянцами; если правительство выполнитъ ее, она ведетъ къ ленивымъ отношеніямъ, предастъ Римъ жертву жестокой безвыходной борьбы въ теченіе двухъ лѣтъ, осуждаетъ Италію быть нѣмою свидѣтельницею этой борьбы, устанавливаетъ постоянное Аспромонте. Если правительство не выполнитъ ее, она поведетъ къ безчестию народа, къ войнѣ съ Франціей за нарушение добровольно утвержденныхъ трактатовъ. Письмо Мадзини оканчивается слѣдующимъ печальнымъ предсказаніемъ:

«Что касается до прискорбныхъ политическихъ послѣдствій, то они всѣ обратятся противъ насъ. Черезъ два года, усилившееся неудовольствіе, видимые признаки кризиса, неизбежныя угрозы республиканцевъ—дадутъ Людовику-Наполеону полный поводъ сказать правительству: «Обстоятельства измѣнились; въ то время, какъ я общалъ, вы были сильны, теперь вы слабы и колеблетесь; я хотѣлъ предоставить Римъ самому себѣ, я не могу предоставить его революціоннымъ массамъ.»

Но впрочемъ мы не можемъ согласиться, въ этомъ заявленіи Мадзини, съ его убѣжденіемъ, что конвенція 15-го сентября обѣщаетъ для Италіи въ будущемъ одни только бѣдствія. Въ политическихъ дѣлахъ предсказанія могутъ имѣть слишкомъ мало успѣха. Если-бы политическіе дѣятели руководствовались исключительно принципами, — тогда зная принципъ дѣятельности какого-либо государственнаго мужа, можно было-бы почти ужъ угадывать навѣрное, какъ онъ будетъ поступать въ томъ или другомъ случаѣ. Но дѣло въ томъ, что руководствоваться въ политическихъ дѣлахъ единственно принципомъ—вести ихъ неуклонно по одному пути — свойственно только государственнымъ людямъ высшихъ дарованій. Императора французскаго нельзя отнести къ этому разряду; онъ, подобно прочимъ смертнымъ, руководится въ своихъ дѣйствіяхъ случайнымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Главная цѣль его—упроченіе и расширеніе своей власти; но поставленный во Франціи между борющимися интересами различныхъ партій и не имѣя за собою прошедшаго, онъ долженъ для достиженія своей

Франція постоянно осматривается — какая изъ французскихъ партій беретъ перевѣсъ, и согласно съ ея взглядами дѣйствовать. По отношенію къ итальянскому вопросу ему нужно колебаться между крайними католическими, которыхъ во Франціи не мало, между католиками умѣренными, отрицающими свѣтскую власть папы, и прогрессистами всевозможныхъ оттѣнковъ. Поэтому императоръ французскій не можетъ сказать впередъ, которую партію предпочтетъ онъ, дѣйствуя въ итальянскомъ вопросѣ. Такая неопредѣленность французской политики замѣтна во всѣхъ депешахъ, писанныхъ г. Друэномъ-де-Люкомъ по поводу конвенціи 15-го сентября, если у читателя хватило терпѣнія перечитать ихъ внимательно. Теперь предположимъ, что внутреннія дѣла французской имперіи сложатся такъ, что Наполеону III возможно будетъ безопасно нанести ударъ клерикальной партіи: при такой комбинаціи обстоятельствъ ему не будетъ никакой надобности церемониться со свѣтскою властью папы, и тогда очевидно предсказаніе Мадзини не сбудется. Но будетъ-ли въ этомъ случаѣ императоръ французскій дѣйствовать по принципу, за идею? Нисколько. Не изъ нерасположенія къ свѣтской власти папы, не изъ любви къ итальянцамъ онъ дозволитъ имъ овладѣть Римомъ и Венеціей, а разумѣется для выгоды самой Франціи; предсказывать опять невозможно, какія могутъ представиться въ будущемъ для Наполеона III расчеты содѣйствовать довершенію итальянскаго единства, — это опять зависитъ отъ случайнаго стеченія обстоятельствъ; въ настоящее время мы можемъ предполагать одинъ только интересъ, который пожалуй побудитъ императора французскаго помочь итальянцамъ — это пріобрѣтеніе какой-либо части Италіи, положимъ Сардиніи. Быть можетъ Италія въ скоромъ времени дождется повторенія исторіи Савойи и Ниццы. Такой результатъ весьма естественно вытекаетъ изъ всей политики Наполеона III, который подъ видомъ ратованія за идеи преслѣдуетъ, конечно въ геополитическихъ размѣрахъ, цѣль великаго своего родоначальника — территориальное увеличеніе Франціи. Газеты итальянскія и нѣмецкія, вслѣдъ за заключеніемъ конвенціи, пустили въ ходъ слухъ, что между правительствами французскимъ и итальянскимъ заключены какія-то секретныя условія относительно территориальныхъ уступокъ въ пользу Франціи. Такой слухъ былъ-бы болѣе чѣмъ вѣроятенъ, — если-бы конвенція создала для Италіи что-нибудь прочное и положительное; но вѣдь Наполеонъ III отлично хорошо знаетъ, что онъ съ заключеніемъ конвенціи ничего не сдѣлалъ для итальянцевъ и что брать въ подарокъ отъ нихъ Сардинію — рѣшительно не за-что. — Слѣдующимъ впрочемъ сдѣлать необходимую оговорку: все что мы до сихъ поръ говорили объ итальянскомъ вопросѣ, все это говорилось въ томъ предположеніи, что и въ Италіи и во Франціи ходъ политическихъ

дѣлъ будетъ направляться простыми смертными, дѣйствія которыхъ находятся подъ непреодолимымъ давленіемъ вѣнскихъ случайныхъ обстоятельствъ. Явится въ Италіи новый Кавуръ или удастся Гарибальди своими извѣстными словами: «Римъ или смерть» вдохновить весь народъ итальянскій,—тогда рѣшеніе итальянскаго вопроса будетъ зависѣть уже отъ вліянія этихъ личностей, потому что гениальные люди способны въ значительной степени руководить обстоятельствами, потому что они умѣютъ среди самыхъ неблагоприятныхъ вѣнскихъ случаевъ приводить въ исполненіе свои планы,—потому наконецъ, что поступки ихъ всегда подчиняются твердому и неизмѣнному принципу, и въ этомъ-то заключается ихъ сила и власть не только надъ массами, но и надъ правителями массъ.—При настоящемъ-же положеніи Италіи мы можемъ дѣлать предположенія относительно судьбы ея не иначе, какъ принимая въ соображеніе всѣ неблагоприятныя препятствія, позволяющія государственными людьми Италіи исполнить то, о чемъ они мечтаютъ съ самой смерти Кавура. Кромѣ затрудненій со стороны Франціи, о которыхъ мы сказали, можетъ быть даже слишкомъ пространно, въ самой Италіи не мало такихъ преградъ. О томъ, въ какой мѣрѣ пылко и энергично желаніе народа итальянскаго пріобрѣсти Римъ и Венецію, трудно судить по тѣмъ вспышкамъ неудовольствія, которыя послѣдовали за заключеніемъ конвенціи. Но даже если мы представимъ народъ итальянскій столько-же преданнымъ идеѣ національнаго единства, какъ то было 1859 и 1860 г.,—въ настоящее время осуществленіе этой идеи едва-ли возможно собственными средствами Италіи. Нѣсколько лѣтъ, въ продолженіе которыхъ Италія должна была дѣлать несоразмѣрные съ доходами расходы на содержаніе войска, истощали страну. Энергическій министръ финансовъ, г. Стелла, объявилъ вначалѣ засѣданій нынѣшняго парламента, что государственная казна пуста и если не будутъ собраны впередъ нѣкоторые налоги,—то нечѣмъ будетъ платить проценты по займамъ. Въ такомъ положеніи итальянскому правительству нельзя разумѣется и думать достигнуть чего-нибудь силою оружія. Правительство должно было употребить всѣ средства, чтобы спасти страну отъ банкротства. Замѣчательный и довольно рѣдкій примѣръ въ этомъ отношеніи подалъ Викторъ-Эммануилъ, отказавшись въ пользу государственной казны отъ 3½ миллионѣвъ фунтовъ своего личнаго дохода. Примѣръ этотъ, какъ и должно было ожидать, наложилъ полное сочувствіе въ странѣ: многіе города добровольно предложили правительству внести впередъ подати поземельнаго налога. Вскорѣ парламентъ, по настоянію г. Стелла, постановилъ взыскать поземельный налогъ на 1865 годъ по всему королевству впередъ: мѣра эта имѣла громадный успѣхъ; по недавнимъ извѣстіямъ изъ числа 121 миллиона общей суммы налога внесено уже около 101 миллионъ. Для

уменьшенія государственныхъ издержекъ, правительство предприняло сокращеніе арміи въ значительныхъ размѣрахъ. Вотъ данныя о количествахъ войскъ въ Италіи: къ 1 сентября 1863 г. числилось 379,000 человекъ въ итальянской арміи; послѣ новаго набора составъ войска увеличился до 424,000 человекъ; если исключить изъ этой суммы отпущенныхъ, а также выбывающихъ изъ службы за окончаніемъ сроковъ, то настоящій составъ арміи представляетъ все-таки огромную для Италіи цифру въ 325,000 человекъ, на содержаніе которой, вмѣстѣ съ военными издержками, страна жертвуетъ около 400 милліоновъ фунтовъ ежегодно. Полагаютъ, что сокращеніе состава итальянскаго войска на одну четверть дало-бы казніи сбереженія около 50,000,000 фунтовъ. Изъ мѣръ, предложенныхъ министромъ, г. Стелла, укажемъ на выпускъ билетовъ государственнаго казначейства, отчужденіе сѣтей желѣзныхъ дорогъ и другихъ государственныхъ имуществъ, увеличеніе нѣкоторыхъ акцизовъ, возвышеніе тарифа и т. п. Многія изъ этихъ предположеній встрѣтили сильныя возраженія при разсмотрѣніи ихъ въ парламентской комисіи; но г. Стелла поставилъ вопросъ такъ, что нужно утвердить проектъ до ¹³/₂₅ декабря, если не хотятъ подвергнуться банкротству не позже 1 января 1865 года. Этотъ всемогущій аргументъ побудилъ парламентъ согласиться на всѣ требованія министра, хотя нѣкоторыя мѣры, напримѣръ возвышеніе тарифа и пошлины на соль, могутъ оправдываться только крайними финансовыми затрудненіями Италіи.

Въ ряду финансовыхъ мѣръ, предпринятыхъ итальянскимъ правительствомъ, слѣдуетъ по нашему мнѣнію обратить особенное вниманіе на проектъ закона объ уничтоженіи религіозныхъ корпорацій въ Италіи и обращеніи принадлежащихъ имъ имуществъ въ пользу государственной казны. По свѣденіямъ, заимствованнымъ нами изъ «*Revue britannique*», въ Италіи числится 82 монашескихъ ордена, 2,382 монастыря и въ нихъ монаховъ и монахинь 54,843 чел. Все духовенство итальянское, если причислить и немонашествующихъ, состоитъ изъ 185,900 членовъ—это цѣлая армія церковная. Въ этой огромной цифрѣ на долю Неаполя и Сициліи приходится 82,000 ч.. Имущества, принадлежащія монастырскимъ корпораціямъ и епископамъ, фабрики и разныя другія угодья, составляютъ капиталъ въ 2 милліарда франковъ, которая приносятъ доходу болѣе 75 милліоновъ. Намъ впрочемъ интересуютъ не столько финансовая сторона проекта объ уничтоженіи религіозныхъ корпорацій въ Италіи, сколько значеніе этой мѣры для клерикальной партіи въ Европѣ. Съ этой стороны мѣра нѣтъ важности не для одной Италіи. Съ подобнымъ-же сочувствіемъ мы должны отнестись и къ изданному нашимъ правительствомъ закону 17 ноября о сокращеніи польскихъ монастырей. Законъ 17 ноября, кромѣ финан-

своей части, въ значительной мѣрѣ сокращаетъ поле общественной дѣятельности католическаго духовенства и будетъ имѣть своимъ естественнымъ послѣдствіемъ — ослабленіе, клерикальнаго вліянія на политическіе взгляды поляковъ. Прицѣпъ законъ 17 ноября, могутъ или клерикалы, или защитники польскаго возстанія; но послѣдніе, выражая свое мнѣніе о сокращеніи нашимъ правительствомъ монастырей въ Польшѣ, должны всегда точно обозначать ту точку зрѣнія, съ которой они смотрятъ на это распоряженіе, должны ясно выражать, что собственно имъ не нравится въ разсматриваемомъ нами законѣ: опасность-ли его для клерикализма, или то, что онъ парализируетъ польское революціонное движеніе, или то и другое вмѣстѣ. Смѣшеніе этихъ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія привело нѣкоторыхъ французскихъ публицистовъ къ странной путаницѣ въ мысляхъ. Понятно, что какой-нибудь «Le Monde» или газета «La France» изъ всѣхъ силъ хулили законъ 17 ноября; но смѣшно читать, когда противъ этого закона ратуютъ газеты «Journal des Débats» и «Patrie», и ратуютъ во имя католическихъ интересовъ, между тѣмъ какъ по общему своему направленію они далеко не благопріятно относятся къ этимъ интересамъ, и будь эта-же мѣра введена въ какой-нибудь другой странѣ, а не къ Польшѣ, эти-же газеты увидѣли-бы въ ней осуществленіе своихъ надеждъ и стремленій. По нашему мнѣнію, «Opinion Nationale», главный органъ польскаго возстанія, былъ гораздо длиннѣе и послѣдовательнѣе въ своихъ сужденіяхъ о законѣ 17 ноября: онъ рѣзко разграничилъ религіозную и политическую сторону этого постановленія. «Догматическая часть этого вопроса, говоритъ «Opinion Nationale», насъ вовсе не интересуетъ; сокращеніе польскихъ монастырей мы прицѣпимъ лишь съ политической точки зрѣнія. Мы любили тамошнихъ монаховъ не смотря на то, что они были монахами, только потому, что видѣли въ нихъ геройскихъ укрывателей возстанія, подобно тому, какъ мы любили кануциновъ Гарибальди». Этими словами «Opinion Nationale», съ политической точки зрѣнія, совершенно оправдываетъ мѣру нашего правительства, хотя и не хочетъ того. Кто-же могъ-бы, подаряя возстанію, оставить въ покоѣ «геройскихъ укрывателей возстанія»? Впрочемъ французскимъ публицистамъ не впервые приходится впадать въ противорѣчія себѣ, подобныя указанному нами. Сдѣлавшись присяжными защитниками польскаго движенія, они поставили своимъ долгомъ бранить и-показывать все, что имъ дѣлало русское правительство, даже такіе распоряженія его, которыя вполне согласуются съ коренными убѣжденіями самыхъ этихъ публицистовъ. Такъ напр. г. Делавернь, политико-экономъ, доказывалъ въ «Revue des deux mondes», что положеніе о надѣлѣ землею польскихъ крестьянъ ведетъ къ объединенію страны! Въ этой манерѣ подобныхъ публицистовъ нѣтъ ничего

удивительнаго. Всякая революція производит потрясеніе въ слабыхъ умахъ; они теряются, не знаютъ куда имъ пристать; наконецъ привившись къ какой-нибудь партіи, они начинаютъ ратовать противъ всего враждебнаго этой партіи, не разбирая того, что они въ то-же самое время часто бьютъ сами себя, порицаютъ то, что прежде сами защищали. Наступаетъ болѣе спокойное время; они разбираютъ свои прежніе поступки, и что-же?—они-же сами публично сознаются, что не все достойно порицанія тамъ, гдѣ прежде видѣли они одно только зло. Не для всѣхъ одинаково скоро наступаетъ этотъ періодъ благоразумія въ политическихъ сужденіяхъ: нѣкоторые умы еще долго посабъ окричанія революціи продолжаютъ метаться во всѣ стороны, пока не придутъ въ свое нормальное положеніе. А иные и никогда не приходятъ. Къ чести англійскаго «Times» нужно сказать, что онъ по-видимому успокаивается отъ этой революціонной тревоги, но крайней мѣрѣ онъ начинаетъ отдавать справедливость тому, что дѣйствительно достойно похвалы. Разсуждая напр. о законѣ 17 ноября, «Times» выражаетъ сожалѣніе о политическихъ событіяхъ, вызвавшихъ эту мѣру, но въ тоже время не обнаруживаетъ никакого желанія сокрушаться о судьбѣ секуляризованныхъ монастырей. Онъ одобряетъ умѣренность, съ которою поступило въ настоящемъ случаѣ русское правительство, и даже признаетъ за нимъ полное право сдѣлать болѣе широкое примѣненіе своихъ намѣреній по отношенію къ монастырямъ; по выраженію «Times'a», если-бы русское правительство вовсе закрыло монастыри, то это «не было-бы само по себѣ большимъ зломъ». Короче сказать, «Times» въ этомъ случаѣ смотритъ на законъ 17 ноября, какъ на справедливый ударъ, нанесенный ультра-католицизму.

Неудачи клерикальной партіи составляютъ по нашему мнѣнію характеристическую черту прошедшаго года. Мы придаемъ особенную цѣну тому, что клерикализмъ потерпѣлъ сильное пораженіе именно тамъ, гдѣ было болѣе чувствительно преобладаніе его — какъ-то: въ Италіи и Польшѣ. Господство клерикализма всегда обуславливалось въ исторіи двумя обстоятельствами: прежде всего богатствами, которыми владѣли различныя религіозныя корпораціи, и потомъ—поддержкою благосклонной къ нему власти, съ которою онъ всегда умѣлъ быть въ связи. Онъ безпрестанно падалъ по мѣрѣ того, какъ католическая церковь бѣднѣла матеріальными средствами, такъ что распоряженія итальянскаго и русскаго правительствъ въ отношеніи монастырскихъ цмуществъ исторически гармонируютъ съ пѣлымъ рядомъ мѣръ, которыя предпринимались въ разное время правительствами различныхъ европейскихъ государствъ—съ цѣлью поставить развитіе католицизма въ зависимость единственно отъ его внутренней силы и крѣпости. Лишняя огромная доля тѣхъ богатствъ, которыя остались ей въ послѣдствіе отъ сред-

нихъ вѣковъ, католическая церковь въ настоящее время должна всѣчески стараться о сохраненіи за собою поддержки правительствъ, если она не хочетъ лишиться окончательно вѣнскихъ опоръ, безъ которыхъ вліяніе ея невозможно. Она понимаетъ такое свое положеніе: во Франціи, Австріи, Испаніи, Португаліи, въ католическихъ германскихъ государствахъ — клерикальная партія всѣми силами хлопочетъ склонить правительство на свою сторону, стремится приобрѣсти вѣсъ во внутренней и вѣннской государственной политикѣ. 1864 годъ былъ въ этомъ отношеніи очень несчастливъ для клерикальной партіи. Мы можемъ указать на нѣсколько фактовъ, совокупность которыхъ показываетъ, что положеніе клерикаловъ теперь повсюду болѣе или менѣе затруднительно. Въ Баваріи напр. клерикалы старались воспитать наследника престола въ строго католическомъ духѣ и заранѣе торжествовали успѣхъ; но расчеты оказались ошибочны: новый баварскій король повидимому не хочетъ идти по слѣдамъ своихъ непрощенныхъ совѣтниковъ; доказательство этому видать въ назначеніи либеральнаго г. фонъ-Пфуртена первымъ министромъ. Въ Бельгіи клерикалы хотѣли свергнуть либеральное министерство; но король распустилъ палату — и новыя выборы сдѣланы были не въ пользу клерикаловъ. Въ Австріи палата депутатовъ настоятельно потребовала измѣненія конкордата съ папою въ болѣе прогрессивномъ духѣ. Но самое важное пораженіе клерикализма — это франко-итальянская конвенція 13 сентября. Мы уже высказали наше мнѣніе объ этомъ трактатѣ; теперь считаемъ нужнымъ только повторить, что конвенція должна заставить клерикаловъ серьезно призадуматься о возможности лишиться поддержки со стороны императора французскаго, сильнѣйшаго изъ католическихъ государей. Выше нами сказано, что неизвѣстно еще какъ поведетъ Франція свою политику относительно римскаго двора, что образъ дѣйствій ея можетъ опредѣлиться такъ или иначе стеченіемъ обстоятельствъ. Извѣстія послѣдняго мѣсяца, какъ на зло, даютъ нѣкоторый поводъ предполагать, что императоръ Наполеонъ III уже начинаетъ уставать отъ роли защитника интересовъ папы. Въ такомъ смыслѣ газеты толкуютъ назначеніе принца Наполеона вице-президентомъ тайнаго императорскаго совѣта: извѣстно, что принцъ Наполеонъ принадлежитъ къ числу самыхъ яростныхъ во Франціи противниковъ свѣтской власти папы. Такое-же повидимому значеніе имѣетъ циркуляръ французскаго министра юстиціи къ епископамъ, запрещающій имъ публиковать въ своихъ пастырскихъ инструкціяхъ тѣ части недавняго знаменитаго папскаго посланія, которыя содержатъ въ себѣ положенія, противныя основнымъ принципамъ императорской конституціи. Не указывая на другія, болѣе мелкія проявленія нерасположенія правительства французскаго къ папству, мы находимъ впрочемъ не лишнимъ

оговориться въ томъ, что никакъ не слѣдуетъ дѣлать изъ приведенныхъ нами фактовъ какихъ-либо преувеличенныхъ и рѣшительныхъ заключеній, будто Франція уже положительно измѣняетъ свою политику въ отношеніи къ Риму: какъ ни непріятна видимо для Наполеона III солидарность съ Римомъ, но обстоятельства могутъ склонить его все-таки поддерживать эту солидарность. Въ настоящее время положеніе его въ этомъ вопросѣ болѣе неопредѣленное, чѣмъ когда-нибудь, и въ этомъ, мы думаемъ, заключается главная причина кризиса, переживаемаго нынѣ клерикалами: не зная куда пойдетъ Наполеонъ III, они рѣшительно связаны по рукамъ и по ногамъ...

Папа Пій IX, если судить по обнародованному имъ посланію къ католическимъ епископамъ, избралъ самый крайній путь для католицизма: въ этомъ посланіи онъ отвергаетъ всѣ тѣ принципы, которыми дорожитъ современное европейское человѣчество: независимость свѣтской государственной власти отъ церкви, разумную свободу совѣсти, печати, ассоціаціи и пр. Однимъ словомъ—выходить, что весь міръ долженъ опять, какъ въ средніе вѣка, преклониться передъ католическою церковью; ей принадлежитъ контроль не только надъ отдѣльными лицами, но и надъ цѣлыми націями и государствами. Всякое соглашеніе папской власти съ прогрессомъ и современною цивилизаціею въ посланіи энергически отвергается, какъ противное католической религіи. Читая это посланіе, переносишься въ какое-то давно уже минувшее время. Но нельзя не согласиться, что оно прямо истекаетъ отъ основныхъ началъ римскаго католицизма и въ *этомъ смыслѣ*—логично и себѣ не противорѣчитъ, одна бѣда—неудобоисполнимо. Мы представимъ читателямъ на выдержку нѣсколько болѣе интересныхъ отрывковъ изъ этой лебединой пѣсни римскаго папства. Такъ напр. въ Европѣ давно уже утверждаютъ и давно уже многія государства тамъ построены на томъ основномъ принципѣ, что разумная свобода совѣсти и вѣроисповѣданій составляетъ естественное право каждаго человѣка и должна быть признаваема и охраняема законами; что гражданамъ принадлежитъ право въ извѣстныхъ предѣлахъ выражать свои мысли словесно, печатно и всаимъ другимъ способомъ, и что власти духовная и гражданская не должны всему этому препятствовать. Такую свободу папа называетъ свободою, ведущею къ гибели, выражаясь, что христіанская мудрость научаетъ избѣгать такого «самообольщенія.» Серьезно любопытно объясненіе того, почему въ настоящее время многіе въ западной Европѣ возстаютъ съ неукротимою злобою противъ монастырскихъ общинъ, утверждая, что онѣ не имѣютъ права существовать. Причина такихъ мнѣній заключается, по словамъ Пія IX, въ томъ, что нынѣшнее гражданское общество имѣетъ въ виду одну только цѣль—накопленіе богатствъ и руководствуется исключительно только своими ярмы желаніями.

ниентъ—удовлетворить своимъ похотямъ и интересамъ. — Папа отвергаетъ, также, мнѣніе тѣхъ, которые утверждаютъ, что необходимо отвѣтъ отъ гражданъ и отъ церкви право дѣлать сборъ податей, въ видѣхъ христіанской благотворительности, и отмѣнить законъ, запрещающій въ извѣстныя дни занятіе обыкновенными дѣлами. По словамъ папы утверждающіе приведенное мнѣніе, ссылаются на принципы политической экономіи; но, что это не болѣе какъ лукавое умышленіе. Соціализмъ и коммунизмъ папа видитъ и въ тѣхъ, которые доводятъ, что одинъ, только, гражданскій законъ опредѣляетъ права родителей воспитывать дѣтей и давать имъ образованіе и что посему полное влѣстительство духовенства въ воспитаніе должно быть отвергаемо. Все это чрезвычайно любопытно, но главное то, что папское посланіе написано не въ одною только цѣлью порицанія тѣхъ принциповъ, которые современная европейская жизнь признаетъ справедливыми; Пій IX присвоивъ себѣ право употребить и внѣшнюю силу для подавленія этихъ принциповъ. Папскій престолъ не хочетъ подчиняться суду свѣтской власти; потому что наблюденіе за внѣшнимъ порядкомъ и благоустройствомъ «принадлежитъ одному только римскому первосвященнику». Законы церковныя по его словамъ во всякомъ случаѣ обязательны, хотя-бы они не были обнародованы свѣтскою властью, они не нуждаются ни въ утвержденіи, ни въ соизволеніи гражданской власти. Папа можетъ отлучить отъ церкви всѣхъ посягающихъ на права и имущества, принадлежащія церкви; церковь имѣетъ право карать даже тѣлесными наказаніями нарушителей своихъ постановленій. При такихъ широкихъ прерогативахъ церкви, гражданская власть въ сущности будто не имѣетъ никакого значенія для церкви, тѣмъ менѣе она можетъ требовать отъ духовенства уступки въ пользу свѣтской власти имущества, принадлежащихъ церквамъ, монастырямъ и другимъ католическимъ учрежденіямъ; это уже конечно протестъ противъ итальянскаго и русскаго правительства. Какъ назвать это свѣлое порицаніе современной жизни, эту рѣчь о такихъ правахъ, защитѣ которыхъ папство рѣшительно не въ силахъ тѣми средствами и тѣми фальшивыми, ужасными путями, которыми уже данно. имѣнія Христу, оно само себя опутало. Мы-бы назвали это неразсчитливостью. Но это слово очевидно нейдетъ къ такой страшной, и серьезной, вѣрѣ въ правду и непогрѣшимость тѣхъ фальшивыхъ формъ, на которыхъ виѣсть съ папствомъ утвердилось въ западной Европѣ католическая церковь. Этой слѣпой вѣрой проникнуто все папское посланіе. Тутъ ужъ нѣтъ неразсчитливости. Тутъ поблужь, и сами не могутъ осмыслить отчего-дѣбуютъ и никогда того не осмыслятъ.

Мы сказали свое слово о важнѣйшихъ вопросахъ, которые были такъ сказаны центромъ политической жизни въ Европѣ въ 1864 году. По долгу политическаго хроникера, намъ нужно сказать нѣсколько

словъ о великихъ европейскихъ государствахъ: Франціи и Англіи, потому что такъ уже принято—безъ Франціи и Англіи не обходиться ни одно почти политическое обозрѣніе, хотя-бы событія, совершившіяся въ этихъ государствахъ и не заслуживали особеннаго вниманія. Дѣйствительно, 1864 годъ былъ для Англіи и Франціи не изъ самыхъ счастливыхъ: сколько ни старались правительства этихъ государствъ проявить чѣмъ-нибудь свое значеніе во вѣнней политикѣ, всѣ попытки не принесли никакого успѣха. Франція удалась очинить хоть конвенцію 15 сентября, а на долю Англіи не выпало и такого счастья. На силу-на силу Англія добилась отъ европейскихъ государствъ собранія въ Лондонѣ конференціи по датско-гольштейнскому вопросу. Главное препятствіе къ организованію этой конференціи Англія встрѣтила, разумеется, во Франціи, которая, вопреки отказу Англіи принять участіе въ предложенномъ Наполеономъ III обще-европейскомъ конгрессѣ, не хотѣла въ свою очередь посылать своего упованнаго на конференцію. Но наконецъ конференція, къ счастью и къ славѣ англійской дипломатіи, собралась, видѣла много засѣданій, вызвала наружу нескончаемое множество газетнаго вздору, да на томъ и покоилась, не сдѣлавши для датчанъ ровно ничего, потому что Франція не захотѣла дѣлать, а Англія не нашла благоразумнымъ—жертвовать одна своими людьми и деньгами въ пользу Даніи. За недостаткомъ дѣйствительно-важныхъ политическихъ событій, общественная жизнь какъ Англіи; такъ и Франціи привлекала къ себѣ вниманіе читающаго общества исключительно парламентскими рѣчами да судебными процессами. Въ Англіи разгорѣлась знаменитая парламентская борьба между вигами, представители которыхъ Лордъ Пальмерстонъ, и тори съ другой стороны, во главѣ которыхъ дѣйствовалъ г. д'Израэли. Партія д'Израэли пробовала поразить министерство преимущественно въ вопросахъ вѣнней политики, нападала на него за неудачныя и обидныя для чести націи дѣйствія его въ польскомъ, шлезвигъ-гольштейнскомъ и сѣверо-американскомъ вопросахъ. Борьба была очень сомнительная; парламентское равновѣсіе сильно колебалось. Разумеется, отъ замѣны нынѣшняго министерства партією д'Израэли и Лорда Дерби политика Англіи едва-ли принесла-бы странѣ болѣе чести и уваженія въ Европѣ; потому что когда въ отвѣтъ на нападки по вопросамъ шлезвигъ-гольштейнскому и польскому, министерство въ свою очередь спросило законодательныя: а что вы сдѣлали-бы на нашемъ мѣстѣ, —они рѣшительно растерлись и не знали что сказать... Финансовый отчетъ г. Гладстона, —въ которомъ этотъ замѣчательный изъ современныхъ государственныхъ людей доказалъ наглядно, что не смотря на постоянное уменьшеніе государственнаго бюджета, доходъ казны ежегодно увеличивается; —былъ для нынѣшняго министерства

ства въ Англіи дѣломъ спасенія; палата предпочла остаться при министерствѣ, которое хоть что нибудь дѣлаетъ для страны, нежели сдѣлать его и вручать управленіе страной людямъ, которые затѣли борьбу съ министерствомъ не въ силу какихъ-либо твердыхъ и ясно сознаваемыхъ принциповъ, а просто потому, что они торіи и должны составлять оппозицію вигамъ.—Во Франціи замѣчательнѣйшее событіе внутренней жизни было—новые выборы, которые, не смотря на всѣ старанія императорскихъ министровъ, окончились для нихъ не совершенно благопріятно: къ 5 членамъ прежней оппозиціи въ законодательномъ корпусѣ прибавилось еще около 25 и въ томъ числѣ знаменитости прежнихъ временъ—гг. Тьеръ, Карно, Гарнье-Паже. Въ настоящее время было-бы излишне разсказывать содержаніе рѣчей, произнесенныхъ оппозиціонными ораторами законодательнаго корпуса; потому что онѣ, сами по себѣ (мимо нѣкотораго своего значенія въ цѣломъ), имѣли только минутный интересъ. Мы надѣемся очень скоро возвратиться къ французскому законодательному корпусу, когда откроются его засѣданія. Безъ сомнѣнія и въ нѣмѣнномъ году рѣчи французской оппозиціи будутъ также блестящи, также увлекательны для парижскаго общества и въ тоже время останутся также безплодными для Франціи, какъ и рѣчи 1864 года. Увлеченіе французовъ парламентскимъ краснорѣчіемъ впрочемъ весьма естественно: при отсутствіи дѣйствительной свободы во Франціи общество французское, столько принесшее жертвъ для пріобрѣтенія ея, поневолѣ съ жадностью хватается за либеральныя фразы парламентскихъ ораторовъ, чтобы хоть въ томъ найти утѣшеніе... Кромѣ парламентскихъ преній интересъ общественной жизни, какъ мы сказали, сосредоточивался въ Англіи и Франціи на судебныхъ процессахъ: замѣчательнѣйшіе изъ нихъ въ Англіи процессъ Франца Миллера, казненаго 14 ноября, а во Франціи процессы Армана, Лавомера и наконецъ извѣстный всѣмъ процессъ «тринадцати», о которомъ мы уже бесѣдовали съ нашими читателями. Побѣда въ этомъ послѣднемъ процессѣ осталась на сторонѣ императорскаго правительства. Адвокаты обвиненныхъ въ свою очередь произнесли нѣсколько рѣчей, впечатлѣніе которыхъ на общество было очень неблагопріятно для министерства. — Въ этомъ заключается вся сущность затѣянной министерствомъ комедіи. Почти навѣрное можно предсказывать, что процессъ «тринадцати» еще разъ сдѣлается предметомъ общаго вниманія французской націи во время предстоящихъ въ настоящемъ году преній въ законодательномъ корпусѣ. Сбудется или нѣтъ наше предсказаніе, — мы даемъ читателямъ обѣтъ воздержанія на счетъ этого процесса.

Мы невольно задаемся вопросомъ: что обѣщаетъ для Англіи и Франціи настоящій 1865 годъ? Что касается до внѣшнихъ отношеній великихъ западно-европейскихъ державъ, то въ настоящее время не

замѣтно никакихъ угрожающихъ признаковъ приближенія войны. Вопросъ шлезвигъ-гольштейнскій, поставившій въ прошедшемъ году Англію и Францію въ такое затруднительное положеніе, кажется покончилъ свое существованіе, а если и возникнетъ снова на политическомъ горизонтѣ въ какомъ-нибудь новомъ фазисѣ своего развитія, (напр. если Австрія и Пруссія не согласятся между собою относительно устройства судьбы герцогствъ), то и въ такомъ случаѣ Англія и Франція вѣроятно все же не измѣнятъ прежней своей политики невмѣшательства. Италия, вслѣдствіе внутренней своей слабости, едва-ли можетъ въ нынѣшнемъ году сдѣлаться театромъ военныхъ дѣйствій, такъ что и съ этой стороны Англія и Франція могутъ оставаться совершенно спокойными на счетъ сохраненія мира. Новыхъ политическихъ затрудненій, которыя могли-бы въ нынѣшнемъ году разразиться обще-европейскою войною, покажется не предвидится, не потому конечно, чтобы Европа покончила совсѣмъ хоть съ однимъ вопросомъ, хоть съ одною изъ тѣхъ политическихъ задачъ, надъ которыми она постоянно работаетъ,—нѣтъ! она видимо устала отъ войны, ей нужно года на два, на три успокоиться отъ сильнаго кровопусканія, чтобы потомъ съ новыми силами приняться за старую работу на старый ладъ... Увѣренность въ поддержаніи мира даетъ возможность англійскому и французскому правительствамъ осуществить тѣ внутреннія реформы, которыхъ настоятельно требуетъ общество во Франціи и Англіи. Въ концѣ прошедшаго года въ Англіи съ новою силою пробудилось общественное движеніе по поводу необходимости произвести парламентскую реформу. Собиралось нѣсколько митинговъ, парламентскіе депутаты говорили много рѣчей въ пользу этой реформы, между прочимъ и англійскій министръ финансовъ г. Гладстонъ высказался какъ сторонникъ реформы парламентской. Поэтому собраніе англійскаго парламента въ нынѣшнемъ году вѣроятно будетъ имѣть болѣе интереса, нежели въ минувшемъ: вопросъ о реформѣ, если между членами нижней палаты найдется достаточное число защитниковъ его (въ чемъ впрочемъ едва-ли можно быть увѣреннымъ), можетъ сдѣлаться роковымъ для лордовъ Россели и Пальмерстона, которые далеко не раздѣляютъ сочувствіе своего товарища г. Гладстона къ реформистамъ; но въ этомъ случаѣ они должны ожидать нападенія не со стороны торійской партіи, еще болѣе нежели они враждебной реформамъ, а со стороны радикаловъ, предводительствуемыхъ г. Брайтомъ.—Во Франціи приближеніе настоящаго года ознаменовалось, какъ и въ прежніе годы, разными толками о будущихъ намѣреніяхъ императора. Слухи эти обыкновенно пускаются въ ходъ оффиціозными французскими газетами, чтобы испробовать общественное мнѣніе и приготовить его

ства въ Англіи вѣрнѣе спасенію; малата предпочла остаться при министерствѣ, которое хоть что нибудь дѣлаетъ для страны, нежели сѣ-
нать его и вручать управленіе страной людямъ, которые затѣяли борь-
бу съ министерствомъ не въ силу какихъ-либо твердыхъ и ясно со-
знаваемыхъ принциповъ, а просто потому, что они торіи и должны со-
ставлять оппозицію вигамъ.—Во Франціи замѣчательнѣйшее событіе
внутренней жизни было—новые выборы, которые, не смотря на всѣ
старанія императорскихъ министровъ, окончились для нихъ не совершен-
но благопріятно: къ 5 членамъ прежней оппозиціи въ законодатель-
номъ корпусѣ прибавилось еще около 25 и въ томъ числѣ знаменито-
сти прежнихъ временъ—гг. Тьеръ, Карно, Гарнье-Паже. Въ настоя-
щее время было-бы излишне разсказывать содержаніе рѣчей, произ-
несенныхъ оппозиціонными ораторами законодательнаго корпуса; пото-
му что онѣ, сами по себѣ (мимо нѣкотораго своего значенія въ цѣломъ),
имѣли только минутный интересъ. Мы надѣемся очень скоро возвра-
титься къ французскому законодательному корпусу, когда отпирются
его засѣданія. Безъ сомнѣнія и въ нѣмѣйшемъ году рѣчи французской
оппозиціи будутъ также блестящи, также увлекательны для парижска-
го общества и въ тоже время останутся также безплодными для Фран-
ціи, какъ и рѣчи 1864 года. Увлеченіе французовъ парламентскими
краснорѣчіемъ впрочемъ весьма естественно: при отсутствіи дѣйстви-
тельной свободы во Франціи общество французское, столько принешед-
шее жертвъ для приобрѣтенія ея, поневолѣ съ жадностью хватается за ли-
беральныя фразы парламентскихъ ораторовъ, чтобы хоть въ томъ най-
ти утѣшеніе... Кромѣ парламентскихъ преній интересъ общественной
жизни, какъ мы сказали, сосредоточивался въ Англіи и Франціи на
судобныхъ процессахъ: замѣчательнѣйшіе изъ нихъ въ Англіи процессъ
Франца Миллера, казеннаго 14 ноября, а во Франціи процессы Арма-
на, Лакомеръ и наконецъ извѣстный всѣмъ процессъ «тринадцати», о
которомъ мы уже бесѣдовали съ нашими читателями. Побѣда въ этомъ
последнемъ процессѣ осталась на сторонѣ императорскаго правитель-
ства. Адвокаты обвиненныхъ въ свою очередь провознесли нѣсколько
рѣчей, впечатлѣніе которыхъ на общество было очень неблагопріятно
для министерства. — Въ этомъ заключается вся сущность затѣянной
министерствомъ комедіи. Почти навѣрное можно предсказывать, что
процессъ «тринадцати» еще разъ сдѣлается предметомъ общаго вниманія
французской націи во время предстоящихъ въ настоящемъ году преній
въ законодательномъ корпусѣ. Сбудется или нѣтъ наше предсказаніе,—
мы даемъ читателямъ обѣтъ воздержанія на счетъ этого процесса.

Мы невольно задаемся вопросомъ: что обѣщаетъ для Англіи и
Франціи настоящій 1865 годъ? Что касается до вѣнскихъ отношеній
великихъ западно-европейскихъ державъ, то въ настоящее время не

замѣтно никакихъ угрожающихъ признаковъ приближенія войны. Вопросъ шлезвигъ-гольштейнскій, поставившій въ прошедшемъ году Англію и Францію въ такое затруднительное положеніе, кажется покончилъ свое существованіе, а если и возникнетъ снова на политическомъ горизонтѣ въ какомъ-нибудь новомъ фазисѣ своего развитія, (напр. если Австрія и Пруссія не согласятся между собою относительно устройства судьбы герцогствъ), то и въ такомъ случаѣ Англія и Франція вѣроятно все же не измѣнятъ прежней своей политики невмѣшательства. Италия, вслѣдствіе внутренней своей слабости, едва-ли можетъ въ нынѣшнемъ году сдѣлаться театромъ военныхъ дѣйствій, такъ что и съ этой стороны Англія и Франція могутъ оставаться совершенно спокойными на счетъ сохраненія мира. Новыхъ политическихъ затрудненій, которыя могли-бы въ нынѣшнемъ году разразиться обще-европейскою войною, покажется не предвидится, не потому конечно, чтобы Европа покончила совсѣмъ хоть съ однимъ вопросомъ, хоть съ одною изъ тѣхъ политическихъ задачъ, надъ которыми она постоянно работаетъ,—нѣтъ! она видимо устала отъ войны, ей нужно года на два, на три успокоиться отъ сильнаго кровопусканія, чтобы потомъ съ новыми силами приняться за старую работу на старымъ ладѣ... Увѣренность въ поддержаніи мира даетъ возможность англійскому и французскому правительствамъ осуществить тѣ внутреннія реформы, которыхъ настоятельно требуетъ общество во Франціи и Англіи. Въ концѣ прошедшаго года въ Англіи съ новою силою пробудилось общественное движеніе по поводу необходимости произвести парламентскую реформу. Собирались нѣсколько митинговъ, парламентскіе депутаты говорили много рѣчей въ пользу этой реформы, между прочимъ и англійскій министръ финансовъ г. Гладстонъ высказался какъ сторонникъ реформы парламентской. Поэтому собраніе англійскаго парламента въ нынѣшнемъ году вѣроятно будетъ имѣть болѣе интереса, нежели въ минувшемъ: вопросъ о реформѣ, если между членами нижней палаты найдется достаточное число защитниковъ его (въ чемъ впрочемъ едва-ли можно быть увѣреннымъ), можетъ сдѣлаться роковымъ для лордовъ Росселя и Пальмерстона, которые далеко не раздѣляютъ сочувствіе своего товарища г. Гладстона къ реформистамъ; но въ этомъ случаѣ они должны ожидать нападенія не со стороны торійской партіи, еще болѣе нежели они враждебной реформамъ, а со стороны радикаловъ, предводительствуемыхъ г. Брайтомъ.—Во Франціи приближеніе настоящаго года ознаменовалось, какъ и въ прежніе годы, разными толками о будущихъ намѣреніяхъ императора. Слухи эти обыкновенно пускаются въ ходъ оффиціозными французскими газетами, чтобы испробовать общественное мнѣніе и приготовить его

къ нововведеніямъ императора. Говорятъ напр., будто Наполеонъ III, по совѣтамъ г. Морни, намѣренъ лишить членовъ законодательнаго корпуса права представлять императору адресъ и въ зайтъ того предоставить имъ право интерпретировать, т. е. дѣлать министерству запросы, которые будутъ разсматриваться въ закрытыхъ бюро. Это будетъ весьма дѣйствительною мѣрою противъ безпокойныхъ депутатовъ, потому что при неотвѣтственности французскихъ министровъ право интерпретаций не будетъ имѣть никакого значенія. Справедливъ или нѣтъ этотъ слухъ, онъ доказываетъ, что императору французскому непріятно парламентское краснорѣчіе, такъ что предупредительный г. Морни, президентъ законодательнаго корпуса, объявилъ, что пренія объ адресѣ въ 1865 году будутъ продолжаться не болѣе 3 дней.

Въ отношеніи вѣншей политики Наполеонъ III хочетъ будто-бы въ настоящемъ году сдѣлать предложеніе европейскимъ государствамъ о всеобщемъ обезоруженіи: по крайней мѣрѣ по газетнымъ извѣстіямъ, вопросъ объ этомъ будетъ затронутъ въ тронной рѣчи императора. По поводу этихъ толковъ англійскій «Times» замѣчаетъ, что уже наскучила всѣмъ манера европейскихъ государствъ обращаться другъ къ другу, перефразируя въ обратномъ смыслѣ слова сказанныя при Фон-тенуа: «Messieurs de la garde, tirez les premiers!» Если предсказаніе газетъ оправдается, — то императору французскому придется еще разъ испытать на дѣлѣ, что Европа неспособна понимать его стремленій водворить всеобщій миръ; предложенію о всеобщемъ обезоруженіи предстоитъ конечно также участь, каковая постигла идею обще-европейскаго конгресса. Наполеонъ III не иначе можетъ разсчитывать на сочувствіе Европы къ своему предложенію, какъ представивши напередъ доказательство, что онъ самъ отказался отъ стремленій и надеждъ — расширить предѣлы французской имперіи. Между тѣмъ одновременно съ толками о всеобщемъ обезоруженіи появилось въ газетахъ извѣстіе, будто Франція намѣрена пріобрѣсти на берегу Нѣмецкаго моря, противъ Гельголанда, пространство въ 40 километровъ длины и 16 ширины, весьма богатое каменнымъ углемъ; по увѣренію французскихъ офиціозныхъ газетъ, сдѣлка эта имѣетъ исключительно промышленный характеръ; нѣмецкія газеты напротивъ говорятъ, что независимо отъ промышленнаго своего значенія, это территориальное пріобрѣтеніе можетъ имѣть для Франціи важныя военныя послѣдствія, доставивъ ей прекрасную гавань на Нѣмецкомъ морѣ. Слухъ этотъ въ настоящее время затаихъ; но мы не имѣемъ никакихъ причинъ считать его невѣроятнымъ. На этомъ мы заканчиваемъ нашъ краткій обзоръ событій во Франціи и Англіи, общая въ будущихъ нашихъ хроникахъ говорить не столько о слухахъ, какъ о дѣйствительно совершившихся событіяхъ.